

Владимир Логинов

Крах четвёртой цивилизации

«Автор»

2025

Логинов В. И.

Крах четвёртой цивилизации / В. И. Логинов — «Автор», 2025

Часть наших и зарубежных историков условно разделили появление и существование хомо сапиенс по времени на пять цивилизаций, каждая из которых проходит в своём развитии несколько стадий. Человечество рождается, растёт, расцветает и..., почему-то, закономерно погибает. По всей вероятности, человеческое общество, достигнув высокотехнической степени развития, в морально-нравственном отношении не может преодолеть какой-то барьер, гибнет, потеряв знания и накопленный опыт, а через большой промежуток времени начинает своё развитие с чистого листа.

© Логинов В. И., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Глава 1. Друзья	6
Глава 2. Случайно открыл окно	14
Глава 3. Палеоконтакт	19
Глава 4. Леда	24
Глава 5. Традиции, обычаи	33
Глава 6. Ариенбург	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Владимир Логинов

Крах четвёртой цивилизации

Часть первая: ЛАБИРИНТЫ ВРЕМЕНИ

Глава 1. Друзья

Почти у каждого мальчишки, ещё с детства, со школьной скамьи, появляется прозвище. Видимо, так проще общаться в подростковой среде. Обычно прозвища эти происходят от внешнего облика, от характера, а чаще всего от фамилии, которую мальчишки сокращают для удобства.

Но иногда бывает, что прозвище рождается на противопоставлении – вот Игорю Забияке сверстники, даже не сговариваясь, прилепили прозвище Тихоня, хотя по своему характеру он всегда был задирой, заводилой и непоседой, что, казалось бы, как раз соответствовало фамилии. Сам Забияка к погонялу «Тихоня» отнёсся философски, отлично понимая, что верховенствовать в играх и драках будет всё равно он, что всегда и подтверждалось.

Зато у друга Забияки, Алексея, кличка была Лось, и, как ни странно, она в точности повторяла фамилию. В какой-то степени Алексей Лось походил на таёжного жителя: был рослым, сильным, суховатым и... спокойным, даже в какой-то степени флегматичным, видимо от сознания своего физического превосходства над сверстниками.

Забияка был роста среднего, а потому немного комплексовал, ему хотелось хоть на пять сантиметров быть выше, да вот не получилось. Может, только по этой причине Игорь стал ершистым, даже вспыльчивым, хотя старался быть уравновешенным и по пустякам не психовать.

Время шло, Забияка с Лосем, после школы в Златоусте, окончили Южно-Уральский университет в Челябинске, только учились они на разных факультетах. В результате первый стал правоведом и работал в прокуратуре одного из районов областного города, а второй, получив специальность журналиста, и оказался в редакции газеты «Златоустовский рабочий».

Прокурорская деятельность – это тесная работа с людьми, а в мире человеческих страстей, расслабиться невозможно, зато такая взаимосвязь вполне соответствовала характеру Забияки, по молодости энергии хватало на всех. Журналист тоже связан с людьми, но у Алексея Лося было странное на первый взгляд хобби: он с детства приобщился к минералогии, а потому часто выкраивал время для походов в горы, у себя в Златоусте, на поиск интересующих его камней – вот там он и расслаблялся.

В тайге, среди каменных россыпей, Лось чувствовал себя в родной стихии; мир людей с их страстями отступал куда-то, забывался, может быть, исчезал в горных складках, растворялся в лесных запахах и ароматах растительного мира. Уральский хребет, словно келоидный шрам на лице Земли, протянулся с севера на тысячи километров к югу, чуть ли не до Каспия. По сути, он находился на границе двух гигантских тектонических плит земной коры: Восточно-Европейской и Западно-Сибирской. Трение плит в далёком прошлом и породило эту складку, наполненную сверхтвёрдыми андезитовыми породами, селитровыми сланцами, мало уступающими по твёрдости гранитам. В окрестностях Златоуста были в основном железистые сланцы, но и они имели в себе немало драгоценных минералов. Вообще древний горный шрам Урала содержал в своих недрах огромное количество разнообразного поделочного материала; для геологов и любителей красивых камней просто кладёзь. Алексей это знал, и со временем у него в доме накопилась приличная коллекция камней: от простых и мягких в обработке красивых офи-кальцитов до опалов, рубинов, гранатов и других хризолитов бериллиевой группы.

Уравновешенность, душевный комфорт – вот что давало Алексею общение с природой. Он не был таким дёрганным путаником, как его сверстники, которые в погоне за призрачной жизненной удачей, а проще говоря, за деньгой, чаще всего получали от жизни одни разочарования. Давно известно, что постоянные неудачи накладывают свой негативный отпечаток на характер и в итоге на судьбу. А может быть спокойным, даже отчасти флегматичным, Алексей был потому, что в отличие от своего друга Забияки, был всё ещё холост и почти никаких забот

не имел, одному-то много ли надо. К девушкам Лось относился с определённой долей подозрения: после неудачной попытки завести семью, он уверенно занёс их в отряд хищников за их меркантильные наклонности. Ему казалось, что окружающую его природу: мир растений, насекомых, животных, даже камней, он понимал лучше, чувствовал более тонко, на каком-то ином уровне. Да так оно и было. Мир людей казался Алексею абсолютно грубым и даже неестественным, оторванным от природы.

Удивляться тут, вообще-то, не приходится: небольшие уральские города с горнодобывающей или металлургической промышленностью тесно окружены лесами, скалами, горными шишками, озёрами и родниками. К частному дому Лосей тайга подступала вплотную, а капризная уральская погода хорошая закалка для души и тела – вот Лёша с детства и привык к своим лесам и горам. Став взрослым, Алексей и отпуска свои проводил в родных краях, удивляясь, зачем люди едут к морю. Как-то занесло его на юг, и стало ему противно смотреть на то, как люди, уподобляясь тюленям, лежат на пляжах, зарабатывая на южном солнце кожные меланомы, а из песка всякую инфекционную заразу. А уж, сколько бактерий и вирусов в прибрежной морской воде, одному Богу известно – сточные воды из городских канализаций прямоком попадают в море, где люди и купаются.

Занятые делами, друзья несколько лет не виделись, иногда только перезваниваясь по мобильной связи. А тут получилось так, что Алексей, будучи в Челябинске по репортёрским делам, случайно, на улице, уже под вечер, чуть ли не в лоб столкнулся с Забиякой. Узнав в солидном мужчине своего друга, Алексей, раскинув руки в стороны, и, не обращая внимания на прохожих, радостно воскликнул:

- Тихоня! Ты ли это?

Мужчина, цепко глянув на заросшего бородой гривастого, высокого молодца, заулыбался и тоже завопил, чуть ли не на всю улицу, напугав проходящих мимо женщин:

- Ха! Лось! Узнаю лесного жителя! Во, зарос-то! Прямо питекантроп! И, кажется, даже ещё подросток! Похоже метр девяносто уже!

Так нередко бывает, особенно у мужчин давно не видевшихся, но связанных какими-то тонкими положительными узами юности. Мгновенно нахлынувшие ощущения, перебивают шелуху повседневности, и солидное поведение куда-то испаряется. Обычно мужчины в любом возрасте крепко обнимаются, долго встряхивают своё обоюдное рукопожатие, проникновенно глядя друг на друга повлажневшими глазами, а прохожие доброжелательно улыбаются, увидев редкую картину встречи друзей.

Алексей Лось был одет в джинсовый костюм, на ногах кроссовки, и это неудивительно: работа газетчика связана с посещением разнообразных производств, вокзалов, фермерских хозяйств; приходится много ездить, встречаться иной раз с людьми в не совсем чистой бытовой обстановке. Забияка же кабинетный работник, а потому одет по летнему времени в песочного цвета лёгкий костюм с галстуком и на ногах дорогие кожаные штиблеты.

Энергичный Забияка опомнился первым, и тут же принял решение:

- Пошли вон в кафе, Лёха! Посидим хоть с полчаса, если не торопишься!

- Ты же, наверное, на работе? – возразил, было, Лось.

- Чёрт с ней, с работой! – беспечно воскликнул Забияка. – Всех дел не переделаешь, из-за этой постоянной занятости друзей всех подрастеряешь. К тому же и рабочий день заканчивается.

- Ну, а я, -- подхватил Лось, -- свои газетные дела закончил, а завтра вообще в отпуске!

- Счастливый ты! – заторопился сказать Забияка. Летом идёшь, а тут дел неуправляемый! Хорошо, если хоть зимой отпустят! Веришь – нет: двести пятьдесят тысяч серьёзных уголовных преступлений за год? Правда, по всей России, и только по насилию против физических лиц. А уж гражданских дел, сам понимаешь, в разы больше! В советское время, судя по статистике,

той же уголовщины было в десять раз меньше, ну а для нашего времени объяснение простое – рынок. Ну, да ладно! Пошли!

В кафе, под новомодным названием «Атлантида», было ещё пустовато. Оно и понятно: рабочий день подходил к концу, а наплыв посетителей будет, скорей всего, через час-два, а то и позже. Забияка, когда друзья уселись за столик подальше от окна, взял на себя роль ведущего. Он, словно хозяин заведения, стал вальяжно распоряжаться: официанту, молодому парню в белой сорочке и чёрных брюках, велел принести по коньяку с лимоном и по кисти чёрного винограда с мацареллой. Почему коньяк должен был сопровождаться странной закуской, каким-то там сыром? В любом случае, а в этом и подавно, Алексею было всё равно, что придумал его друг. По всей вероятности, Забияка был в области закусок, да ещё в подобных заведениях, большим докой. Пригубив алкоголя и попробовав сыр, Забияка выразил недовольство:

- Тьфу ты! А коньяк дрянь! Явно фальсификат! И мацарелла дрянь! Как находишь?

- Я всё равно в этом ничего не смыслю, Игорь! – отмахнулся Лось.

Повспоминав знакомых, Забияка неожиданно заявил:

- Фамилия у тебя, Лёха, какая-то древняя! Видно род твой, из какой-то глубины, от этих благородных животных идёт. Небось твои далёкие предки считали лесного зверя своим прародителем.

- Да мало ли людей с такой фамилией! – резонно заметил Алексей. – У белорусов вон, у словаков, такие фамилии не редкость, а я русский! Все мы славяне, и у нас был когда-то, там, далеко, в глубине веков, общий предок – гипербореяцы.

- Да-а-а! А у меня вот откуда, почему? – несколько огорчился Забияка. – Неужели предки были какими-то драчунами, этакими забияками? Женат – нет? – вдруг спросил он.

- Да нет! – вяло ответил Алексей. – Девушки всё попадаютсся с очень уж большими запро-сами.

- Это верно, Лёха! – хохотнул Забияка. – Девушки весёлые, а жёны раздражённые. Всё-то им мало! – посерьёзnel он. – Нравы изменились. Наши родители солнечному дню радовались, любую вещь берегли, а, главное, работали с удовольствием, гостей принимали, сами в гости ходили. А сейчас люди гостей боятся больше чем воров. Нынешние женщины, соблазнив бо-лее богатого, стараются поскорей оттяпать половину нажитого мужем, родив наследника. Эти жёны мечтают скорей развестись и жить в своё удовольствие, не работая. Если б ты знал, Лёш, сколько паразитов в стране развелось!? А по миру? Никакого ведь бюджета не хватит! Эти наследники, не обременённые заботами о своём содержании, ударяются в наркоманию. Потому и дорожает всё, что создавать материальные ценности в мире стало почти некому. Законодательство надо менять срочно, иначе работать скоро, вообще, никто не будет, все хотят по-лёгкому деньжат срубить, да истратить их на развлечения.

Журналист понял одно: правовед в плохом настроении, а обрадовался Алексею потому, что старинному другу и поплакаться можно спокойно, высказать всё, что наболело в душе.

- Ну, это уж ты загнул, Игорь! – усомнился Алексей. – Безработных везде же полно! Мигранты опять же!

- Да-а! Безработные! – вознегодовал Забияка. – Алкаши, наркоманы, любители лёгкой жизни и развлечений! Только в нашей стране около десяти миллионов наркоманов, а сколько ещё неучтённых. Работать они не стремятся и никогда не будут! У людей исчезла духовно-идеологическая подушка безопасности. Добывание денег любыми путями, чаще преступными, – вот их идеал! Бездуховность накрыла наше общество своим чёрным покрывалом. Преступления множатся как снежный ком, а тут ещё проблема с мигрантами. В прошлом только году в Россию приехали семнадцать миллионов мигрантов. Десять худо-бедно работают, а остальные семь что делают? А-а, знаешь!? То-то! Между прочим, общество потребителей взрастили англосаксы! Не созидателей, а именно потребителей! Я вот как-то беседовал с одним карманником; задал ему, между прочим, важный вопрос: зачем же, мол, ты обворовываешь таких

же нищих, как и сам? Обноси хотя бы богатеньких «буратин», а он мне, так, мол, богатые с охраной, да и денег с собой не носят. Мол, выну я у него электронную карту, так он сразу счёт в банке заблокирует. Я ему: ну, вот, мол, украдёшь ты у бедного, так тебе положено всё в «общак» сдать, и как был ты нищим, так и остался им, а «общаком» пользуется пахан, на вами, рядовыми ворами, «заработанное», хоромы себе строит, по заграницам ездит, слуг и охрану себе нанимает. Где же справедливость?

- Стой, стой, Игорь! – Алексей протестующе поднял обе руки над столиком ладонями к Забияке. -- Не надо политики! Давай лучше про женщин! Ты забыл, что для женщин всё-таки определяющим в жизни является любовь, она заложена в их генетике. Я считаю, что девушка выходит замуж всё ж по любви, хотя меркантильный интерес с их стороны сейчас усилился.

Забияка, откинувшись на спинку пластикового стула, и, видимо подчиняясь какому-то внутреннему чувству, цинично отпаривал:

- Дурень ты, Лёха! В деловых кругах по любви вообще не женятся! А, если и по любви у простых работяг, то и она не бывает вечной, неизбежной у конкретных людей! Это всего лишь гормональная вспышка, которую надо как-то подкармливать, чтобы она не заглохла.

- А потом? – усмехнулся Алексей.

- Что потом? – насторожился Забияка.

- Ну, прошла эта вспышка, завяли апельсины? – гнул Лось.

- Эх ты! – Забияка с укоризной посмотрел на друга. – Вот и видно, что ты ничего в этих делах не смыслишь. Уважение друг к другу должно быть, ответственность за своих детей, за прочность семьи, да вспоминать почаще, как вы встретились, первый поцелуй, да как она на это реагирует. Это у тех, кто хоть в каких-то культурных традициях воспитан, где хоть книжки читают. А вот как ведут себя те, у которых культуры ноль, небось, знаешь?

- Ну, и как? Получается у тебя, у женатого? – Алексей перестал иронично улыбаться.

- Что получается?

- Ну, уважение, ответственность?

Забияка помрачнел, ответил вяло и неохотно:

- Да как тебе сказать, Лёш? Я пытаюсь иногда напомнить жене, да видать у них, у баб этих, память коротка. Им насущное подавай, благ всяких, подарков. Они шубе рады, а не мужу, который с работы идиотской, хоть в каком-то здравии, домой вернулся. И всё ж одно тебе скажу, восторгался, вдруг, Забияка, и глаза его сразу потеплели, как другу: несмотря на то, что жена часто раздражена и негодуя посверкивает очами, я ловлю себя на мысли, что вот вижу милые сердцу черты, и слышу некоторые приятные интонации в голосе. Глаза её вижу, в которых сквозит негодование, но в них на мгновение проскальзывает то очарование, которое когда-то тронуло мою душу и сердце.

Алексей молчал, не зная, что сказать, а Забияка резюмировал:

- Знаешь, Лёш! Древние люди были гораздо мудрее нас. Как красиво и многозначительно они говорили: «Блажен тот, кто любит, а не тот, кого любят». Древние лучше понимали это великое душевное состояние. Наши современники гормональную вспышку принимают за любовь, а это ж далеко не так. Мы любим некий образ, своё представление в конкретном человеке. Любовь же идёт своими путями, она ни от кого не зависит и мягко осеняет только чистые души, которых, вдруг, охватывает восторг бытия, глубинное, генетическое воспоминание о райском времени...

Незаметно наступал вечер, и зал кафе постепенно заполнялся посетителями. Косые лучи заходящего солнца мягко протянулись поперёк помещения, окрасив стены и пластик столов в оранжевый цвет.

- К сожалению,--заговорил Алексей, - общественная атмосфера у нас, в России, не располагает к бескорыстной любви между полами, а я вот всё жду чего-то, надеюсь. Думаю, какой-то неустроенный быт всех заел, почему-то всего надо добиваться, причём по пустякам, хотя

многих проблем можно было бы избежать, но это в хорошо устроенном обществе. А тут ведь что? Везде противодействие чиновников, которые свою лень и корысть прикрывают подзаконными актами, зато, когда дело касается их личных интересов, о законах забывают. Они думают, что люди ничего не видят. Законодатели опять разделили людей на богатых и бедных. Зря они так! Это ведь неизбежно ведёт к дестабилизации в обществе. Майданы-то от этого возникают, а разжиревшие чиновники и олигархи при помощи своих прихлебателей, несправедливо нажитых денег и СМИ, направляют раздражение людей на поиск врага внешнего, толкают население к национализму, к вражде с соседями. Вон пример Украины чего стоит! Да что я тебе говорю! Ты и так всё понимаешь!

Лучше бы этого журналист не говорил. Видел же, что друг раздражён до крайности. Забияка, вяло, пожевав виноградинку, повторил:

- А коньяк дрянный, Лёха! Производитель торопится деньгу зашибить, вместо двухлетней, хотя бы, выдержки, даёт всего лишь трёхмесячную. И так скоротечно любой продукт производят. Говорю же, рынок во всём виноват! Все неурядицы от него! Может прав лидер ЛДПР Жириновский: разогнать к чёртовой матери этих умников из того здания, где сидел советский Госплан, да восстановить его? Найти нового Байбакова, да и возродить профильные министерства? А, Лёш? Толку-то больше будет! Вот подумаешь иной раз, да так и хочется заорать на всю улицу, на весь город, на Россию, на весь мир: люди, опомнитесь, куда идёте, бараны!? Зачем создаёте друг другу препятствия, зачем зло множите?

- Ну, это не тебе, советнику юстиции, прокурору, орать! – саркастически заметил журналист. – За нарушение общественного порядка, за призывы вот такие, тебе ведь и отвечать!

Забияка, хмуро посмотрев на друга, продолжил гнуть своё:

- Я тебе о рыночных отношениях, а ты ёрничаешь! В начале 90-х этот безграмотный и недалёкий Ельцин запустил «козла в огород», то-бишь, в Россию: пригласил в качестве экономического советника американца Джеффри Сакса. Тот ещё привёз с собой кучу помощников, агентов ЦРУ. Этот Сакс и наворочал дел: практически разрушил всю экономику России. Сам прикинь, 262 крупнейших заводов разрушить – это ведь не шутка! Эти советники распродали все заводы за копейки, сами-то, конечно, нажились на этом. Новые зарубежные хозяева, естественно, эти предприятия закрыли, людей уволили, а Россия, без своей промышленности, рухнула в пропасть. Америка быстро добилась своего: поставила страну на колени, сделала её сырьевым придатком Европы. Налицо ведь экономическая диверсия! Этот Ельцин, в погоне за властью, подписывая в пьяном угаре в Беловежской Куше договор с Леонидом Кравчуком, забыл и про Крым, и про российский флот в Севастополе, и о Новороссии. Хорошо хоть командующий Черноморским флотом, адмирал, Игорь Касатонов, будучи не только командиром моряков, но ещё и мудрым политиком, воспротивился ненормальному разделу стран, и, естественно, флота. Предложил морякам простой выход: принести присягу, если совесть позволяет, кому Украине, а кому России. Украине присягнули всего лишь двенадцать процентов моряков! Чуешь! Да этого Ельцина судить надо, а ему памятники ставят!

- Ладно, хоть этот Ельцин нашёлся! – буркнул Лось. – Кому-то надо было начинать?

- Начинать-то, может и надо было, да только не таким, как этот самодур!

Забияка жёстко поставил кулак на стол, и, помолчав, продолжил, но несколько в ином ключе:

- Нравы изменились, Лёха! Уж коли, любая девчонка прямо заявляет, что бедного не полюбит, то и делай вывод. Изолгались кругом все: говорят одно – делают другое. Чиновники высшего и среднего звена призывают лучше работать, честно исполнять свой долг, а сами втихаря распиливают госбюджет, связи корыстные заводят. Вон по данным Следственного комитета в России совершается четырнадцать миллионов коррупционных сделок в год, оборот взяток и откатов составляет 480 миллиардов долларов. Учти – это данные за 2014 год, а что дальше будет – ума не приложу!

- Чего ты на чиновников-то взъелся? – усмехнулся Лось. – Сам ведь чиновник, и зарплата у тебя приличная! Не вписываешься ты в когорту чиновников. С такими взглядами система тебя раздавит, затопчет и выбросит на обочину.

- Чиновник, это верно! – горько резюмировал Забияка. – Да только не забывай, друг, что я, может, «последний из могикан», у кого ещё душа болит за государство Российское. Не вписываюсь, конечно, потому что взятки не беру. Для нынешнего чиновника люди болваны: многого хотят, запросы, якобы у них большие. Уж если этот Ельцин свой же народ быдлом назвал, так чего ж ты хочешь от обычного чинуши. Настоящего государственника надо ещё взрастить, воспитать, чтобы он о своём кармане во вторую очередь заботился или вообще об этом кармане не думал.

Обычно мужчины, встретившись и поговорив о личном, незаметно ввергаются в болото политики:

- Пойми, Лёха! – разошёлся Забияка. – Рыночные отношения ведут к неизбежным трениям сначала внутри, а потом и в международном масштабе. Финансовые воротилы США, словно пауки, оплели весь мир. Военно-промышленный капитал прогнул под себя многих, а несогласных свергает. На геополитическом поле орудуют «Дженерал дайнемикс», «Норд групп» и другие военные концерны. Учти, Лёха, восемь из десяти крупнейших военных фирм принадлежат США. От великой депрессии и всеобъемлющего банкротства американцев спасла вторая мировая война, Гитлер. Войны кормят Америку, потому и разжигает она то тут, то там военные костры, горячие точки, дестабилизирует отношения в странах, чтобы потом захватить их внутренние рынки. Вот и Украину запалили, чтобы досадить России, которая не желает прогибаться. Американцы вкладывают в мировой продукт двадцать процентов, а потребляют-то все тридцать.

Забияка откинулся на спинку стула, расстегнул верхнюю пуговицу рубашки, ослабил узел галстука.

- Ни у одной страны нет такой диспропорции! – заговорил он вновь. -- Геополитический интерес США довольно прост – поработить весь мир, прибрать в свои загребушие руки чужие природные ресурсы, чтобы все люди производили мировой продукт за их пустые зелёные фантики. Так ведь и до мирового пожара недалеко, только все знают, что этот пожар будет последним. Мир и так держится на чуть-чуть. Например, ядерный удар по Сибири сразу же вызовет потепление на два три градуса, и вечная мерзлота станет очень быстро таять. Огромное количество метана тут же высвободится и запустит цепную реакцию в газовой атмосфере Земли. Эта константа нарушит равновесие других констант, и всё – Армагеддон! Планетарная катастрофа космического масштаба! Земля быстро разделит судьбу Марса. Да человечеству сейчас надо вести себя тише воды, ниже травы! Научными изысканиями заниматься, а не быть слоном в посудной лавке! Всё это результат рыночных трений! Жадность и элементарная безграмотность национальных элит! А Россия – она идеалистическая страна. Русский человек не рационален. В своих взглядах, убеждениях, вере, он исходит из самородности. Он готов верить в кого-то или во что-то с нуля. И доверять он готов на пустом месте. А власти надо найти силы и мужество откровенно признаться в своих неудачах, слабостях и ошибках, затем, чтобы люди поверили ей всерьёз. Народ тогда потянется к власти...

- А ты что, можешь предложить другую модель социально-экономических отношений? – осадил друга журналист.

Забияка задумчиво посмотрел в окно, потом на публику в зале, наконец, ответил:

- Трудно сказать, Лёха! Мир усложнился и изменился, простая конкуренция уже толком не работает. Тут нужен какой-то симбиоз советско-рыночных отношений и хороший пример социально-экономических достижений, ну, и, конечно, сильная пропаганда новых идей. Только толку, мне кажется, будет мало, пока живы США и расчёты в долларах, за которыми пустота. Вот проснутся утром наши, российские, долларовые миллионеры и обнаружат, что они

в одночасье стали нищими – долларовый пузырь лопнул. У меня вообще такое впечатление, что весь мир ходит по кругу. У американцев идеология простая: возвращать везде потребительскую психологию. Против России Запад развязал мощную информационную войну, идёт борьба за головы молодых, а для этого подсовывают рынок ежедневных развлечений. По рекомендации Фонда Сороса финансировать образование и культуру не надо. Мол, ученики не обязаны знать историю и русскую культуру. Всё негативное, я имею ввиду потребительскую культуру, Запад закачал к нам. Мы стали гораздо большими американцами, чем они сами, Лёха! Россию пытаются взорвать изнутри, навязывая потребительскую психологию, стравить с соседями, уничтожить славянский мир. Украину вон до того зомбировали, что там даже дети вопят: мол, кто не скачет, тот москаль – вот хохлы и пляшут под американскую дудку. Крутом все Россию ненавидят – это результат пропаганды США. Запад наивно считает, что у нас незаслуженно большая территория. Не понимают они – две трети нашей страны под вечной мерзлотой, а их обогревает Гольфстрим. США же вообще расположены на широте Сочи. Не зря же сибиряки ёрничают: мол, Бог создал Сочи, а чёрт – Сковородино и Могочу...

Последние лучи солнца медленно прошли по верху стен. Вечерний сумрак с улицы пригасил свет в широких окнах кафе, и в зале зажглось боковое освещение на стенах. Ритмическая музыка меланхолично перебивала людской ропот в просторном помещении.

Забияка нервно хохотнул и продолжил «изливать душу»:

- Наша элита толкает с экранов ТВ умные речи, слушаешь, так вроде бы всё правильно! Ну, а коли вы такие умные, так почему столько врагов кругом нажили? Ведь давно известно, что умный человек себе врагов не заводит. Дипломатия – это искусство компромисса, так выдвигайте новые идеи, новые модели поведения, которые устраивали бы большинство стран и народов...

Забияка по-плебейски, вдруг, залпом выпил свой коньяк и резюмировал свой монолог:

- Высший Разум, Лёха, который так тонко устроил высокоорганизованную материю на этой планете, пожалуй, сочтёт, что очередной опыт с подопечным человечеством не удался, да и сотрёт его, как стёр ранее четыре предыдущих цивилизации.

Лось с изумлением уставился на правоведа. Забияка же, опять пожевав виноградину, грубовато процедил:

- Ну, чего ты буркала свои на меня выпучил? Точно тебе говорю – сотрёт!

- Откуда ты взял, что до нас были ещё цивилизации? – проямлил Лось.

- Откуда, откуда! Кое-что всё-таки сохранилось: полуразрушенные мегалитические сооружения, полустёртые временем следы ядерных бомбардировок, подземные тоннели по всему земному шару. Шахтёры вон нашли в толще угольного пласта в Кемеровской области остатки сложнейшего прибора, передали археологам, те, естественно, так и не разобрались, отдали физикам, но и те ничего не поняли. Кроме того там же угольщики раскопали гроб, выполненный целиком из андезита со спящей красавицей в какой-то жидкости. Учёные определили, что этому захоронению... восьмьсот... миллионов лет. Наконец, раскопки древнего города Мохенджо-Даро в Пакистане, который как раз и подвергся ядерному удару в незапамятные времена. Да что говорить, много чего обнаружено за последние годы. Загадка на загадке...

- Почему четыре цивилизации?

- Так историки считают!

- Устал ты, Игорь! – заметил Алексей. – Я тебя понимаю! Работа у тебя грязная, сплошной негатив – вот откуда твой пессимизм.

- Можно подумать, что у тебя работа чистая! – огрызнулся Забияка. – Тоже ведь грязь человеческую разгребашь!

- Ну, у меня работа проще: я разные новости читателю подаю!

- Погоди! Как бы не пришлось тебе последнюю новость своим читателям сообщить, если успеешь! – раздражённо выдавил Забияка.

- Какую ещё? – насторожился Лось.
- О конце света!!!

Глава 2. Случайно открыл окно

Свой отпуск Алексей, как обычно, проводил в родных местах. После памятной встречи с Забиякой прошло трое суток, но бурный разговор с другом всё как-то не покидал голову журналиста. В конце концов, Алексей убедил себя, что озабоченность и пессимизм Забияки, скорей всего, проистекает от его психованной работы, может быть даже от излишней информированности и чрезмерной усталости, да ещё, по всей видимости, в семье какие-то неурядицы.

Что бы Алексей не делал по дому, отвлечься от тревожных мыслей не мог, они постоянно роились в голове. В России, в последнее время, и самом деле создалась весьма напряжённая обстановка. Внутри проблем немеряно, а тут ещё Запад ополчился на страну: наложил санкции, затеял злонамеренную пропагандистскую шумиху в связи с событиями на Украине. Россия же, оболганная и оплёванная братьями-славянами продолжала гнать газ своим соседям. Глупо как-то. Не хочешь себе зла, не делай другому добра – так говорили древние. Дай собаке кость, она придёт за другой, а в третий раз приведёт с собой целую свору. Запад давно мечтает ослабить Россию, расчленив, оседлать её и жиреть за счёт эксплуатации её людских и природных ресурсов – вот и ведёт информационную войну, применяет санкции, всячески провоцирует страну, нагнетает страсти по надуманным причинам. Отгородиться бы, восстановить «железный занавес» -- так ведь тут же Россию объявят «империей зла», да и так уже объявили. Опять же мир тесно взаимосвязан. Нельзя отгородиться от всех, и, словно скупой рыцарь чахнуть над сундуком с золотом. Хотя в богатейшей огромной стране всё есть, можно бы и отгородиться, развиваться самостоятельно; народ у нас талантливый, изобретательный, любые трудности преодолеет, только вот у нашей правящей элиты ума нет...

Ох уж эти элиты! Давно подмечено людьми: в ряды властных структур всегда стараются пролезть жадные, но довольно изворотливые прохиндеи, поддержанные своими кланами. И войны развязывают не народы, а всякая властная шушера, потому как договориться друг с другом не могут, искусством компромисса не владеют, да и не хотят. Военно-технический потенциал в мире сейчас такой, что развязать войну – это погубить планету...

- Тьфу! – Алексей с раздражением бросил молоток, которым чинил забор.

Всем известно, что в частном доме всегда работы больше, чем в городской квартире. В своём домашнем хозяйстве обязательно нужно что-то подправлять, подкрашивать, ремонтировать, иначе всё быстро приходит в запустение, а соседи уже и косо поглядывают на нерадивого хозяина. Даже здороваться начинают как-то вяло, неприветливо.

Кроме всего на своём подворье предполагается какая-то живность, ну хотя бы куры. Алексей уже пять лет жил один, бирюком. Мать перебралась на постоянное жительство к старшей сестре в Челябинск, и потому заводить какую-либо скотину Алексею было несподручно, работа, связанная с командировками не позволяла. К тому же его странное хобби: уходить в горы на несколько суток.

И всё-таки кое-какая живность у Алексея была. Воры, они во все времена приглядываются, как часто хозяева отлучаются из дома, чтобы нанести непрошенный визит. Особых ценностей у журналиста в доме не было, если не считать богатой коллекции камней, среди которых были и полудрагоценные, ну ещё электронная аппаратура. Пришлось Лосю завести породистого пса, кавказскую овчарку. Вернувшись как-то из очередной командировки, Алексей увидел на заборе оторванную собакой чью-то штанину. Сразу догадался, что воры всё-таки нанесли визит на его подворье, да, видимо, получили закономерный отпор. Во время отлучек хозяина собаку подкармливал соседский мальчишка, десятилетний Ивашка. Грозный пёс Ивашку полюбил, пользовался взаимностью, но со двора не уходил, видимо понимал свою главную обязанность – подворье стеречь.

А ещё у Алексея в доме жил кот. Был он чёрный как головёшка, а потому получил прозвище «Черномырдин». Коту было абсолютно наплевать, как его там называли, но на прозвище откликался. Нрав у кота был под стать хозяйскому: он тоже часто отлучался из дома по своим делам. Для выхода, в нижнем венце дома существовал специальный лаз, который зимой затыкался куском овчины. Кот вообще вёл себя очень уж независимо, был самостоятельным, ничего ни у кого не просил, не орал и корм во время отсутствия хозяина добывал сам, на ближайших помойках, иногда ловил мышей, да и в собачью миску не брезговал совать свою усатую морду. Однако Алексей кота частенько баловал: покупал ему мойву, причём кот предпочитал почему-то балтийскую рыбку. Любимым местом у Черномырдина, особенно в тёплые ясные дни, была крыша собачьей будки, где кот, вальяжно развалившись, подолгу нежился на солнышке, хитро прищурив жёлтые глаза.

Итак, чтобы как-то избавиться от мрачных мыслей, Алексей твёрдо решил отправиться в горы, и немедленно. Журналист хорошо знал – природа лечит. Подобрал молоток, Алексей поспешил в дом, где переоделся в камуфляж. В походный рюкзак, где постоянно находился геологический молоток, пистолет, запасные носки, котелки и деревянная ложка с берестяной кружкой, сунул килограммовый пакет сухарей и три банки тушёнки. Идешь в тайгу на сутки, а еды бери на неделю – такова заповедь уважающего себя геолога и путешественника. «Макаров» у Алексея был легальным, то-есть зарегистрированным. Брал он его с собой так, на всякий случай, потому что ходил чаще всего по местам нехоженным, а там, как правило, медведя, волка и рыси полно. Наткнуться на таёжного жителя можно случайно. Зверь человека не тронет, если ведёшь себя правильно, но оружие придаёт уверенность, срабатывает древний инстинкт охотника. Алексей всегда в таких случаях уверенно проходил мимо и зверь обычно провожал человека насторожённым взглядом готовый напасть либо убежать.

Собравшись, Алексей вышел во двор. Кот, как обычно нежившийся на крыше собачьей будки, приоткрыл один глаз, видимо понял, что хозяин опять куда-то надолго уходит, и флегматично закрыл его обратно. Зато пёс, поднявшись и приветливо вильнув хвостом, посмотрел на хозяина несколько осуждающе: мол, вот сам уходишь, а меня с собой не берёшь.

Алексей позвал соседа Ивашку, который что-то мастерил у себя во дворе. Маленький сосед был не по годам энергичным, хозяйственным, ему можно было доверить многое и быть уверенным, что сделает обязательно. Когда тот прибежал к заборчику, разделявшему подворья, Алексей попросил:

- Ты уж, Ванятка, за Диком присмотри, пожалуйста! На вот тебе деньги на костный набор собаке, шоколадку себе купи, мороженное. Я денька на три смотаюсь за Таганай.

Ивашка деньгу по-хозяйски взял, хозяина успокоил:

- Да не беспокойся, дядь Лёш! Ваш Дик, голодным не останется, и Черномырдин тоже!

- Ну, о коте, Ваня, у меня забот меньше всего! – усмехнулся Алексей. – Он сам себя прокормит, да и тебя заодно!

- Это как? – удивился мальчишка.

- Да так! – пошутил журналист. – Мышей натаскает и себе, и на твою долю хватит.

- Я мышей не ем! – на полном серьёзе возразил маленький сосед.

- Ну, лишь бы он ел! Ладно, я пошёл! Хозяйствуйте тут!

Алексей протянул руку с намерением погладить кота на прощание, но тот, вдруг, с каким-то утробным урчанием прыгнул ему на грудь, и, обняв журналиста за шею лапками, прилип к ней с выражением величайшей кошачьей ласковости в глазах. У Алексея промелькнуло в голове, что вот ведь кот раньше подобных нежностей не проявлял, вёл себя всегда сдержано, солидно, а тут на тебе. Погладив животину по бархатной спинке, он посадил кота обратно на крышу будки.

Едва он выпрямился, как пёс Дик, встав на задние лапы, положил передние на плечи хозяину; в умных глазах его промелькнуло на миг что-то гораздо большее, чем простое собачье

участие и преданность. Взгляд был каким-то неземным, пронизывающим, людским. Животные явно что-то чувствовали, только не могли сказать, но отлично показывали своё отношение к хозяину своим поведением, и особенно многоговорящим взглядом..

- Ну, что вы?! – Алексей укоризненно посмотрел в глаза обоим. – Я же ненадолго!

Журналист вышел за воротца с некоторой озабоченностью в душе. Сзади раздался короткий собачий лай, гав-гав, словно пёс напутствовал хозяина, мол, смотри в оба, не на гулянку идёшь! Лось приветливо махнул рукой на прощание, и... шагнул в непредвиденное...

Алексей вышел из дома в десятом часу и уже через четыре часа был на перевале Таганая. Это хороший темп, но только для человека привыкшего к дальним переходам. Когда выходил, посмотрел на барометр, давление неуклонно снижалось, предвещая осадки к вечеру, а пока было превосходное утро: ни одного облачка, синее, до пронзительности, небо, весёлое летнее солнышко. Обычно такая погода на Южном Урале устанавливается в конце июня: с утра ясно, а после обеда дождь.

Конечной целью Алексея был хребет Сука, с заходом на горное озеро Зюраткуль, и уж тут, пожалуй, тремя сутками не обойдёшься. Перевалив на северо-западную сторону Таганая, Алексей решил устраивать привал и ночлег, тем более, что послеобеденное небо уже прочно затянуло тучами, а это значит вскоре закапает дождик. По дождю тащиться по камням и зарослям не хотелось, да и всё равно вечер маячил впереди.

Алексей, не спеша, огляделся. Вокруг мелкий ельник вперемежку с таким же низкорослым березняком и травяным дикоросом. Торчащие из зарослей, словно зубы тиранозавра, скалы, высотой от пятнадцати до тридцати метров, состоящие, в основном, из древних железистых сланцев. Из поздних отложений, неряшливыми пластинами песчаника, выделялись другие скалы, больше похожие на уродливые гигантские грибы с небольшими шляпками

Вообще-то он здесь бывал, во всяком случае, проходил не задерживаясь. Считалось, что в этом месте аномальная зона, и надо бы поскорей её пройти на всякий случай. Лось машинально взглянул на часы – они стояли. Он вынул мобильник, намереваясь связаться с редакцией газеты, и тут же убедился, что никакой связи вообще нет хотя аккумулятор был накануне заряжен. Алексей этому ничуть не удивился. В Каповой пещере, а это недалеко, в Башкирии, хроночудес немало.

А в Пермском крае, где он тоже не раз бывал, аномальных зон куда больше, и часы там тоже останавливаются, и мобильники, соответственно, не работают. По-видимому, присутствуют какие-то хрономы, что только лишний раз подтверждает теорию многомерности вселенной. Мало того, журналист видел в восточной, горной части Пермского края, в месте, казалось бы, неудобном, глухом и удалённом от населённых пунктов, остатки древних циклопических сооружений из селитрового сланца, а этот минерал только чуть мягче гранита. Кубы и блоки по двести, триста тонн весом были явно кем-то обработаны, в блоках видны были технологические проходки и отверстия, по-видимому, для кабелей или каких-то трубопроводов. А, кроме того, слабый ядерный след. Древнее сооружение напоминало какую-то промышленную установку, и возраст её насчитывал двести тысяч лет, так определили недавно археологи.

Здесь же, внизу одной, наиболее массивной скалы, Алексей заметил нависающий каменный козырёк, а под ним нечто напоминающее довольно ровную арку и приличное углубление, достаточное, чтобы укрыться от непогоды. Если расчистить завал из камней, то получится очень даже хорошее место для ночёвки, и палатку ставить не надо, которой к тому же у Алексея не было. Он считал палатку лишним грузом в летний период, когда всегда проще соорудить временное убежище от непогоды из хвойного лапника, причем даже быстрее, чем поставить палатку, но это всё для опытного туриста или путешественника с приличным стажем.

Полчаса, а может, и больше потратил Лось на расчистку завала. В результате получилась вполне удобная ниша, напоминающая небольшой гротик, и... показалось Алексею, что кто-то, давно уже, приложил к этому месту свою прилежную руку. Защиты от дождя и ветра лучше не бывает. Только вот в самом центре ниши разлёгся валун, обросший серым лишайником, и отороченный по низу зеленоватым мхом. Валун был более метра в диаметре, правильной яйцевидной формы, словно выточенный каким-то великаном и специально положенный в специально подготовленную нишу.

«Странно, - подумал Алексей, глядя на этот довольно необычной формы валун. – Я же раньше тут проходил, что-то камня этого не примечал, хотя завал был. Может, из-за завала и не заметил». Конечно, сдвинуть его Алексею было не под силу, да и не было надобности. За валуном, возле скальной стены места вполне хватало и для костерка, и для лежанки из хвойного лапника, а, главное, было сухо, удобно, даже комфортно.

Лось собрал побольше сухого валежника, и вовремя: небо, наконец, прохудилось, зашелестел привычный уже на Урале дождь. Уютно устроившись в нише, Алексей запалил костерок возле валуна, сварил в походном котелке суп из тушёнки с сухарями и черемшой, не спеша, пообедал, скорее поужинал. Алексей поставил на угли воду в чайнике, заправив его зверобоем и душицей, которую сорвал по пути, уверенно зная, что пригодится. Когда чай настоялся, Алексей, налил в берестяную кружку лесного напитка, и принялся кайфовать, равнодушно поглядывая на разлёгшуюся перед ним громаду валуна.

Прихлёбывая напиток, журналист левой рукой пощупал бок камня. Под тёплой плёнкой лишайника он почувствовал углубление, какую-то ровную черту и рядом вторую, третью. Это его заинтересовало. Лось отставил кружку в сторону, вынул из чехла нож и принялся счищать наросты лишайника в этом месте. Под отвалившейся плёнкой обнаружилась шлифованная поверхность, на которой довольно чётко проступили какие-то знаки в виде древних языческих рун. Журналиста охватило волнение в предчувствии какого-то открытия. Машинально Лось потёр эти древние знаки, и от удивления, с каким-то даже неестественным тембром в голосе, коротко вскрикнул:

- Ха!

Лучше бы он этого не делал, но пути Господни неисповедимы. Вроде бы ничего не изменилось, или почти ничего, если не считать, что валун, вдруг, оказался чистым, и сплошь покрытым какими-то руническими письменами, во всяком случае так казалось. А ещё вокруг камня оказался чистенький песочек, словно его кто-то заботливо насыпал здесь. Алексей осторожно поднял голову – стены привычного дождя словно и не бывало, небо вверху отливало жемчужной белизной. А ещё было очень тепло, влажно и ощущался переизбыток кислорода, словно журналист находился не в горах, а в спецлаборатории, где экспериментируют с газами. Взгляд Алексея упёрся не в привычный мелкий ельник, а в гигантские стволы пицундской сосны и каких-то неизвестных ему деревьев с зеленоватой гладкой корой.

- Что это? – пробормотал Лось. – Может, я заснул сидя? Да нет! Вот кружка с чаем и он ещё горячий!

Алексей пощупал сам себя, даже ущипнул, убедился, что не спит, но ландшафт-то за пределами ниши явно резко поменялся.

- Чудеса! – воскликнул Алексей. – Что за чертовщина?! Что произошло-то? Хронокоридор, что ли?! Уж не в будущие времена я попал? Вот и валун этот откуда-то взялся. По-моему его здесь раньше не было. «Ну, меня, - подумалось, - этим не ошарашить, законы теоретической физики допускают передвижение во времени, хоть в ту, хоть в другую сторону. Сейчас об этом много пишут, приводят доказательства реального существования кривизны пространства и времени. Петербургские математики рассчитали одиннадцать степеней существования материи, и расчёт этот не окончательный. В каждом новом состоянии мира время течёт по-разному. В этом месте я уже не раз замечал колебания электромагнитного поля, а модифика-

ций энергии этого поля бесчисленное множество. Возможно, со мной взаимодействует сейчас одна из этих модификаций. Даже очень любопытно увидеть то, что уже посчастливилось увидеть некоторым. Будем считать, что мне несказанно повезло, только вот как обратно-то? Так что повезло или нет – это вопрос спорный...

В голове промелькнули обрывки знаний: бинарный код, фазовый переход, чёрная энергия, которая даёт возможность перехода. Вот зря он так, по наивности, возрадовался неизведанному. Хотя, скорей всего, сознание человека молодого, не обременённого семейными заботами и вообще каким-либо бытом, всегда, подспудно, направлено к познанию чего-то. Лось внутренне был уж давно готов увидеть, ощутить нечто подобное, так что никакого страха не испытывал, любопытство перевесило...

Глава 3. Палеоконтакт

Алексей, будучи человеком пытливым, любознательным, прежде всего, принялся изучать рунические знаки на камне. Они шли ровными, аккуратными рядами вдоль каменного яйца по окружности. Некоторые знаки своими начертаниями напоминали древнеегипетские иероглифы, а некоторые походили на буквы латинского алфавита вперемешку с кириллицей. Знаков было много и понятно, что здесь скрыто повествование о чём-то значительном, важном для людей. Но какого времени?

Наконец журналист устал ползать вокруг валуна и изучать незнакомый шрифт. Он выпрямился, и вышел из ниши, медленно огляделся, до него, наконец, дошло, что мир вокруг не только изменился, но и был совершенно чужим, абсолютно незнакомым. Воздух, хоть и казался богато озонированным, был напоен ароматами тропиков, неземных тропиков. В теле ощущалась небывалая лёгкость, да и дыхание не изменилось. По всему видно было, что сейчас не вечер, а утро. Ни ветра, ни вообще какого-либо колебания воздуха, и полная тишина, словно всё застыло в окружающей природе. Иногда так бывает.

Неизвестно сколько простоял Лось на месте, озирая непривычный ландшафт; ему казалось, что стоит он здесь уже давно, целую вечность, с самого рождения, или уж окаменел, но что-то ещё видит и что-то ощущает.

Но вот, вдруг, эту тишину разорвал чудовищный рёв похожий на карканье огромного ворона, вселивший в Лосю страх, который всплыл откуда-то из печёнки. В голосе неизвестного существа чувствовалась первобытная сила и угроза, некое превосходство над всем живущим. Страх заставляет человека или оцепенеть, или мгновенно действовать. Журналист тут же прыгнул за валун к своему рюкзаку, где лежал его пистолет. Когда совершал прыжок, то поймал себя на мысли, что его тело стало значительно легче. А ещё заметил по второму карканью, что неизвестное существо удаляется, и опять наступила полная тишина.

Лось опять вышел на полянку перед нишей. Скала была та же, она, вроде бы, ничуть не изменилась. А других скал, что были вокруг, не видно из-за разросшегося здесь леса необычного вида. Ну откуда тут может быть пицундская сосна, она же не выдержит наших морозов? Хотя кто его знает, никто же не пробовал её здесь посадить. Привычного папоротника Лось тоже не увидел, зато из мягкого ковра перегнивших сосновых игл тянулись стебли уже знакомого осота, вперемешку с широкими перистыми листьями ириса, столоны которого заканчивались большими белыми цветами. Вот на цветок уселся великолепный по красоте бархатный махаон с крыльями величиной в две ладони. Но ещё больше удивился Лось, когда среди стволов сосны увидел огромную араукарию. Он подошёл ближе. Диаметр ствола поражал воображение: он был не менее пяти метров, и волнообразное тело дерева с концентрическими хвойными ветвями уходило ввысь, примерно, на семьдесят метров.

«Пожалуй, больше американской секвойи», - подумал Лось. - Но ведь родина араукарии Южная Америка, ну в Крыму ещё насажены, так они значительно меньше. Странно, тропики на Южном Урале? Хотя кто его знает, может, я на другой планете? Воздух необычный, да и гравитация не та?»

Алексей подпрыгнул на месте, проверяя себя, и убедился, что оторвался на целый метр, а этого, в обычных условиях, не должно быть. «Предположим, - подумалось, - что Земля по каким-либо причинам изменила орбиту, стала несколько ближе к Солнцу, тогда льды на полюсах растаяли, и многие континенты залило бы водой. А как быть с метаном, который должен высвободиться из вечной мерзлоты Сибири? Он же наверняка запустит химическую реакцию, нарушит газообмен, мгновенно сожрёт озоновую прокладку и изменит атмосферу, а стало быть, жизнь на Земле должна прекратиться, в привычном понимании». Алексей запаниковал,

страх, зародившийся, где-то в селезёнке, начал распространяться по всему телу и быстро проник в мозг.

«Ничего не понимаю! – подумалось с тревогой. – Где я оказался? В каком я времени – в прошлом или в будущем? То, что не в своём – это уж точно. И потом, как мне выживать в этом мире, где нет людей? Жить одному? Вообще-то примеры есть, но всё равно одинокий человек, отшельник, сознаёт, что вокруг, где-то далеко есть люди, много людей. А я, даже и на своей, родной планете, но во времена, когда людей ещё на Земле нет, по сути обречён, потому что другая среда, совсем другие бактерии и вирусы. Мне ведь даже воды попить здесь нельзя, воздухом здешним дышать опасно, да я уже обсеменён бактериями, к которым у меня нет иммунитета. А потом у меня нет инструмента, чтобы построить хоть какую-то хижину. Кроме того, что-то надо есть. А что здесь может быть съедобным? Первым делом надо разведать, что пойдёт в пищу, а подсказать некому. Отравиться ведь недолго, и никто не поможет – вот что значит оказаться не в своём времени, да ещё не на заселённой людьми планете»...

Какая-то безысходность навалилась на Алексея, а это уже никуда не годится. К журналисту пришло осознание совершенно чужого мира, в котором погибнуть ничего не стоит. Человек может жить только в своём времени, в своём мире, где накоплен гигантский, ни с чем несравнимый жизненный опыт, человеческие знания, которые дают возможность работать, мыслить, ощущать себя в родной стихии, где всё знакомо: растения, животный мир, большинство бактерий и вирусов, даже биохимическое содержание воды и воздуха, а здесь же всё незнакомо, всё чужое, даже, если это своя планета, но совсем другое время. Неожиданно пришла мысль, что если бы Лось оказался во времени античности – это всё равно родной мир, в котором можно жить. Здесь же его окружил абсолютно чужой мир и жить ему осталось совсем немного, его просто погубит неизвестный микромир, от которого у Алексея нет защиты, нет иммунитета, и нет того самого жизненного опыта, который накапливается с младенчества при помощи людей и родителей в среде человечества и изученного уже мира...

- Ты кто таков? Как попал сюда? Назови свой род! – прозвучал неожиданно вполне земной, спокойный, голос, да ещё и по-русски, но с некоторым акцентом, как у иностранца.

В таком глухом месте, в этой застывшей тишине и безветрии, обычный человеческий голос показался Лосю громовым. Речь оказалась старославянской, с которой Алексей был знаком ещё по университету, но всего лишь только знаком, и сейчас было странно, что он её понимал. Где-то глубоко в груди зародилось и быстро стало расти ощущение счастья. Всё, он уже не один, здесь есть люди, да ещё и говорящие на родном праязыке. Журналист медленно, словно боясь что-то или кого-то спугнуть, повернул голову в сторону говорившего. На краю поляны Лось увидел мужчину двухметрового роста лет пятидесяти с виду. Одет в белую тунику, подпоясанную широким, в ладонь, ремнём, с которого свисал необычной формы то ли тесак, то ли мачете. Из-за травы ноги незнакомца были не видны. Медное лицо мужчины с большими синими глазами и прямым стреловидным носом было обрамлено тёмно-русой с проседью бородкой. Такими же были усы и густые волосы на непокрытой голове. Это лицо, с открытым чистым взглядом, сильно напоминало Алексею классический образ иконного Спаса.

- Чего молчишь? – заговорил этот Спас. – Может, ты иноземец, и речи моей не разумеешь?

Всё журналист понял, да просто от неожиданности не сразу заговорил. Но уж коли заговорил, то удивился, что говорит чётко и правильно на давно забытом языке древних славян.

- Я здешний житель! – кое-как проглотив, наконец, ком в горле, осторожно и хрипло ответил он. – Имя моё Алексей Лось! А ты-то, откуда здесь взялся? На охотника вроде не похож, да и одет как-то легко, не по-лесному.

- Ага! – мужчина шагнул ближе. – Значит ты благородных кровей, судя по имени! Наш, стало быть! Говоришь только как-то чудно! Я, Илья Туча, из рода Сварожичей, и живём мы в этих краях уже не первый век. Кроме нас, моего рода, здесь на десятки с лишком километров

никого нет, а ты говоришь, что здешний житель. Нехорошо врать при первом же знакомстве, парень, да ещё старшему.

- Да не вру я! – возмутился Лось. – Это мои родные края! Вон там, - он указал рукой на юго-восток, - в долине реки Ай лежит мой родной город Златоуст, и там мой дом!

Мужчина снисходительно усмехнулся, внимательно оглядел Лося и спокойно сообщил:

- Нет там никакого города, парень! Речка есть, а города нет! До ближайшего города, Ильменграда, более пятидесяти километров. Заблудился видно ты! Подозрительно всё это. Ладно, пойдём ко мне, гостем будешь! Там разберёмся как ты сюда, в глухомань эту, попал.

Алексей радостно залил тлеющий костерок чаем из кружки и быстро собрал свои пожитки в рюкзак. Новый знакомый молча наблюдал за сборами Лося, а тот, глянув на испещрённый знаками валун, не преминул удовлетворить своё любопытство:

- А что это за валун с рунами, отец, и как он работает?

Илья охотно ответил:

- О, это короткая летописная кладовая знаний нашего народа и принадлежит моему роду. В нём содержатся не все знания, но краткая история нашего рода, так, на всякий случай, мало ли что может случиться со всеми нами. Ты нагрел камень с той стороны, произнёс заветное слово, чем и активизировал его. Только вот не могу я в толк взять, как ты сюда попал?

- А какой сейчас год? – продолжал любопытствовать Лось.

- Четыре тысячи пятьдесят второй, - спокойно ответил Илья.

- Ага! – подытожил журналист. – Значит я в каком-то далёком времени, то ли в будущем, то ли в далёком прошлом.

- Уж не хочешь ли сказать, Лось, что ты мой предок? – усмехнулся Илья. – Хотя всё может быть! К нам попадают люди из других времён и ими занимаются наши учёные. Ну, да это нетрудно выяснить.

- Интересно, каким образом!

- По содержанию ртути в твоём организме! – невозмутимо заметил Илья. – Пошли, потом проверим.

Алексей, было, удивился столь необычному определению возраста, но как-то не придавал этому значения.

- А где твой дом, уважаемый?

- Да недалеко! Вон там внизу, при спуске в долину! Иди за мной!

Илья двинулся в северо-западном направлении, зная точно, что новый знакомый идёт за ним. Неожидаемое появление нового человека здесь, да ещё возле родовой книги древних знаний, неприятно озадачило его. «Теоретически, - подумал абориген, - этот Лось мог появиться здесь, – всё-таки заветная зона, да и родовая книга. Очень уж не вовремя, да и не к месту он тут всплыл. А ну, да если это шпион атлантов, купленный, из наших? Документы, если они вообще у него есть, проверять бесполезно, наверняка подлинные, подгонят спецслужбы, не подкопаясь. Отпустить просто так, тоже нельзя. В этих краях не то, что чужие, свои-то не ходят. Может прикончить его, и проблем нет. Опять же нельзя, боги будут недовольны»... Впервые Илья оказался в положении тонущего, как поступить, не знал. Ладно, пусть уж лучше в гостях побудет, проверить надо.

Илья не зря расстроился, обнаружив при очередном обходе постороннего. Дело в том, что его девять сыновей и зять занимались производством спецприборов для оборонного ведомства. Кроме его, отца и вождя рода, никто из остальных домочадцев даже и не догадывался, чем занимаются их родные глубоко в горе, в специально оборудованной там лаборатории. Мало того, кто изготавливает эти приборы и где, не знал даже президент, таково было условие производителя секретного изделия и депутата парламента от Земельной партии Ильи Тучи. Раз в месяц, да и то в разные дни, партию приборов доставлял на базу ВВС, которая располагалась на Новой Земле, зять Ильи, Оскар Войнов. Такая предельная засекреченность объяснялась

просто: подобных приборов, с применением кристаллов ильменита, из класса «свой-чужой», не было ни в одной стране мира. И вот на тебе. Принесла нечистая сила этого незнакомца. Совершенно непонятно, как он тут очутился. Этого просто не может быть.

Алексей же, шагая по склону за местным аборигеном, с любопытством исследователя разглядывал окружающую растительность. Она оставалась незнакомой, но вот, наконец, Лось увидел и старых знакомых: плакучие ели окружили путников, из трав же – арника горная, только не с мелкими, как обычно, а с большими, жёлтыми цветами. Кое-где раскинул свои перистые листья уже знакомый папоротник. Взрослые ели уходили в высоту где-то на пятьдесят метров, но между ними попадался и молодняк. Непонятно было, откуда эти реликты черпали силы? На горной скудненькой почве, да ещё на косогоре, особо-то не разрастёшься?

Лес из плакучих елей как-то неожиданно закончился, и перед Алексеем открылась огромная поляна, явно обработанная и засеянная пшеницей. За этим полем сверкнула гладь горного озера, на берегу которого высился бревенчатый дом в три этажа под зелёной крышей из какого-то, явно искусственного материала, а слева от дома опять темнел могучий лес, плавно поднимаясь на очередную горную складку.

Проходя краем пшеничного поля, Лось не переставал удивляться: стебли толщиной в палец удерживали тяжёлый колос молочной спелости величиной с ладонь. Растения доходили ему до плеча. Алексей протянул, было руку, хотелось пощупать необычный колос, но какая-то мягкая сила оттолкнула её.

- Что это? Почему не могу потрогать? – спросил Лось спутника.

- Защита включена, парень! – невозмутимо ответил Илья. – От медведя, от коз и косуль!

Их тут полно, а у меня автономная энергоустановка.

- Интересно! – Алексей остановился. – У нас медведи зимой спят!

- Ну, сейчас же не зима! – улыбнулся Илья, повернувшись к журналисту.

- А какая она у вас эта зима? Я к тому, что медведей-то в тропиках не должно быть!

- Обычная у нас зима, дожди идут, медведи спят! Недолго, но, пожалуй, весь капель.

- Сколько ж длится этот капель?

- Сорок дней, четыре недели!

- А потом что? – насторожился Алексей.

- Как что? Новый год, весна! – удивился вопросу Илья. – Этот месяц называется у нас просто, цветень, а сейчас – травостой.

- Какой-то странный у вас тут календарь! Объясни, дядя Илья! – полюбопытствовал Алексей, утирая пот.

- Э-э, парень! – Илья в упор посмотрел на Лося. – Да ты, пожалуй, и впрямь из другого времени! Ну, да на то видно воля богов! Хорошо, слушай! В сутках – двадцать три с половиной часа, год длится триста шестьдесят дней, разделён на девять месяцев по четыре десятидневки в каждом, девять дней рабочих, а десятый посвящается богам. В этот день люди общаются с Высшими силами, советуются с ними, жалуются на свои невзгоды, укрепляют свой дух, просто отдыхают. Всё понял?

- Понял, понял! – Алексей согласно кивнул головой.

- Удивляюсь я, – добавил Илья, – каким только, повторяю, ветром тебя сюда занесло? Хотя по новостям как-то передавали, будто бы попадают к нам люди из другого времени. Такие сразу же оказываются в цепких руках наших хронистов и этнографов. Правда, я новости редко смотрю, некогда мне. Ладно, пошли!

Илья по-юношески перепрыгнул через очередной валун, словно не было затяжного спуска, который частенько бывает тяжелей, чем подъём.

- На вид, Илья, тебе лет пятьдесят, а прыгаешь ты как молоденький! – заметил Лось.

- А ты прибавь к этим пятидесяти ещё полсотни, – в самый раз будет! – весело усмехнулся Илья, повернувшись к спутнику.

- Да неужели?! – удивился Алексей.

- Шагай, шагай! Чего остановился? У нас такой возраст – норма! Это средний возраст. Удивляюсь я, то ли ты дурачком прикидываешься, то ли в самом деле из другого времени.

- Подожди, дядя Илья! Расскажи мне, что вы за народ? Куда я попал?

Илья остановился, посмотрел на растерявшегося спутника, заговорил с некоторым подозрением:

- Хорошо играешь, парень! Конечно, спецслужбы атлантов дурака не пошлют, но мы это скоро выясним. Дома тебе всё объяснит моя младшая дочь. Она в твоём возрасте, девушка образованная, изучала историю, физику, биохимию, астрономию и другие науки. Ну, а я, в своё время, учился в Земельной академии, моё древнее родовое занятие – растить хлеб...

Алексей поймал себя на мысли, что он не только отлично понимает собеседника, но и сам хорошо говорит на этом старославянском языке. Почему? Скорей всего потому, что сама планета владеет всей информацией, которую выработало человечество за всё время пребывания на планете, и, коли, он оказался в этом временном отрезке, то и сознание его мгновенно приобрело знание языка местного населения, пласт информации по языку вселило в него время. Только вот в каком времени он находится? Ответа на этот вопрос Алексей не находил...

Глава 4. Леда

Под тенистой сенью леса было хоть и жарко, но терпимо, а когда Алексей вышел на открытое пространство, где жара значительно усилилась, его камуфляж стал весь мокрым от пота. Солнце, ярким пятном выделявшееся на жемчужном небе, беспощадно гнало на землю массу тепловых лучей. Но вот Лось с Ильёй вышли к небольшому горному озеру, которого по представлению Алексея, в его времени не было. Пройдя по мелкогалечному берегу около четырёхсот метров, подошли к дому, который вблизи показался Алексею громадиной.

Излишки воды озеро, через небольшой водопадик, сбрасывало в горный ручей, который тянулся вдоль горы куда-то дальше, в глубину долины. У воды играло с десяток детей от трёх до семи лет под присмотром двух девочек постарше. Увидев деда с незнакомым мужчиной, дети согнулись в поклоне. Илья махнул рукой, и дети продолжили свои игры.

- Это мои правнуки, Лось! Внуки далеко, в городе, одни учатся, другие там живут и работают, а детей ко мне отправляют – такой порядок. Ребёнок, от рождения до семи лет, получивший родовую закалку и сформировавший своё, пусть ещё детское, мировоззрение, уже никогда не изменит нашим традициям, обычаям, духу родового гнезда; он будет горд сознанием того, что принадлежит роду Сварожичей. Ладно, давай скидывай с себя грязную одежду, лезь в воду, ополоснись, да пойдём обедать.

Из-за угла дома вышли две собаки, похожие на знакомых Алексею волков. Приветственно вильнув хозяину хвостами, они степенно обнюхали гостя и улеглись рядом.

- Это что, дядя Илья, и вся живность? Что-то я не заметил дворовых построек для скота, а ведь детям молоко нужно.

- Консервированное молоко мы доставляем из города, Лось! – пояснил хозяин. - А ещё мои невестки приручили стадо диких коз и ночуют они вон там, за скалой. Для них там гротик с загородкой устроен; день они пасутся самостоятельно, а к ночи приходят в свой загон, где их ждёт хлеб с солью и дойка.

Лось обратил внимание на то, что привычная дверь на входе в дом отсутствует. Невольно спросил:

- А почему двери-то нет? В дом налетит мошकारа, кровососы всякие.

- Не налетит! – усмехнулся хозяин. – Силовое поле не пустит.

- А если какой-нибудь посторонний, да с недобрыми намерениями?

- И его не пустит, да и собаки! К тому же никаких чужаков здесь и быть не может.

- А как же я?

- Не беспокойся! Я сейчас дам команду домовому компьютеру.

- А собаки?

- Дались тебе эти псы! Они тебя уже поняли! Ты же не проявил страха, а только любопытство.

- Что!? Они прочитали мои мысли?

- Ну, считай, что прочитали, да и сразу догадались, что ты мой гость. А вот не было бы меня, а ты бы проявил опасение, так они бы тебя разорвали.

- Не успели бы! – Лось положил руку на кобуру с пистолетом.

- Дурень ты, Лёха! Это ты не успел бы воспользоваться своим допотопным оружием!

- Да я чемпион Златоуста по пулевой стрельбе, дядя Илья! – похвалился Лось.

- Ну и что! – насмешливо протянул хозяин. – Здесь реакция нужна, а у тебя её нет в той форме, какая у нас, а тем более у собак. Кстати можешь выбросить своё связное устройство. Оно здесь не работает, и никогда уже работать не будет. У нас принципиально другая форма связи между собой, да и то только в городах, а здесь, вдали от шумных городов, в единении с природой, вообще связь телепатическая, особенно у натренированной дочери с её генерато-

ром. У меня, например, хуже получается, но с собаками я мысленно разговариваю. Ладно, всё! Мойся, купайся!

Илья ушёл в дом, а дети, сгрудившись, молча, с любопытством, наблюдали, как Алексей снимал с себя пропотевшую одежду, лез в тёплую воду, нырял на глубину и, отфыркиваясь, плавал. Накупавшись, Лось вышел на берег, забрал в охапку свой камуфляж с кроссовками, рюкзак и тоже пошёл в дом, оставляя мокрые следы на мелкой гальке.

В огромном зале, с пристенными лавками по периметру бревенчатых стен, за длинным, на полсотни человек, столом, Илья сидел один.

- Положи свои пожитки под лавку, Лось! – приказал хозяин. – Женщины всё вычистят и просушат. На лавке сухая рубаха, оденься, да садись ко мне поближе.

Просторная, из непонятого материала, туника была Алексею до колен, естественно без рукавов. Лось подпоясал её своим ремнём, с которого свисал нож в чехле, и была закреплена кобура с пистолетом. Нацепив на руку часы, журналист машинально посмотрел на циферблат – часы шли, но было совершенно непонятно, какое время они показывают.

Босиком Алексей прошлёпал по прохладному деревянному полу к столу, и, присев на скамью, увидел, что на столе кроме ломтей хлеба в плетёнке и каких-то фруктов, похожих на красные груши, больше ничего не было.

- Ешь, парень, сегодня девятый день, он тоже особый, девясил называется, из пищи больше ничего нельзя, - предложил Илья. – Завтра День Благодарения, будет обильный стол во славу богов.

Алексей взялся за еду, хотя и не хотелось. Пожалуй, хлеб и груша были намного вкусней, чем привычные у себя дома, а, может, ему просто показалось. Хозяин молча наблюдал, и, когда гость поел, заговорил:

- Ну что ты хотел узнать, Лось? Если ты действительно тот за кого себя выдаёшь, так слушай! Уж, если совсем коротко, то мы, наш народ, происходим от гиперборейцев, народа, который первыми создали боги, прилетевшие со звёзд. За какие-то грехи боги утопили нашу прародину Гиперборею. Правда, не совсем, кое-какие острова ещё остались, но жить там стало невозможно из-за жары. Мы занимаемся там горными разработками, добываем редкоземельные элементы и нефть. Ну, а нашим предкам пришлось перебраться южнее, на земли Колы, Новой Земли, побережья Белого моря и Сибири, да вот ещё в эти леса Каменного пояса, где тоже есть горнодобывающая промышленность. В этих лесах, в небольших и редких посёлках, живут в основном горноработчики, лесозаготовители, да мы, растениеводы; основное же население сосредоточено на побережье северных морей, в городах, где заводы по производству питания и нужной нам техники, культурные и научные центры. Мы сохранили знания, которыми нас наградили боги и накапливаем новые, но есть ещё люди одичавшие, как-то быстро растерявшие знания. Эти дикие племена, ещё со времён третьей цивилизации, можно сказать остатки их, живут за лесами, в степях, там легче прокормиться с каменными-то топорами. Они там охотятся на мамонтов, зубров и других животных. Нас они боятся, в места нашего обитания не суются, обходят далеко стороной, принимают нас то за нечистую силу, то за богов. Ну, да это их дело...

- Ага! – воскликнул торжествующе журналист. – Значит, всё-таки мамонтов клонировали!

- Что, значит, клонировали? – вскинул брови хозяин.

- Ну, в моём времени учёные всё пытались из клеток замёрзших мамонтов воссоздать популяцию этих древних животных, видимо, добились своего. Ну, а то, что люди одичали, так я этому не удивляюсь: в моём времени они уже становились дикарями – вот и дошли до точки. Хорошо хоть вы, со знаниями и высокими технологиями уцелели. Ты уж прости, дядя Илья, что перебил твой рассказ!

- Время меняет человека, парень! – продолжил хозяин. – Лет семьдесят с лишним назад я был другим: доверчивым, простодырым, всё искал в жизни чего-то, но со временем изменился: стал подозрительным, от другого человека жду подвоха, пакостей каких-нибудь. Да и неудивительно, Алексей! Вот там, на Западе живут невропейцы, а к юго-западу, за морем, живут атланты. И что ты думаешь? Казалось бы, одна у нас прародина, Гиперборея, и говорим мы на одном языке, а друг друга не понимаем. Эти невропейцы, и особенно атланты, всячески пытаются подорвать нашу экономику. Они расшатывают наше единство, для чего затеяли информационную войну, оболгали нас всячески, будто бы мы виноваты во всех мировых неурядицах. Стратегия у них простая: склонить нашу молодёжь к анархии, к паразитическому, к потребительскому образу жизни, и ведь преуспели в этом. Атланты вбили себе в головы, что они вовсе не гиперборейцы, и, что у них другие, особенные боги, и общественный порядок у них, якобы, правильный, и государство лучше устроено, а у нас будто бы сплошная дикость...

Илья посмотрел в сторону окна, за которым слышались задорные голоса детей, и продолжил развивать свою мысль:

- За внуков и правнуков опасаюсь, войны боюсь, парень! Дело в том, что боги предупреждали нас, чтобы мы с огромной осторожностью и большой ответственностью обращались с энергиями, да только не понимают этого атланты. Им хочется заправлять всем миром, чтобы все люди жили по их указке. На юге живут лемурийцы, вернее их потомки, и у них тоже свои боги, но они не учат нас, как жить в этом мире. С ними мы честно торгуем, бываем, друг у друга в гостях, и они не шпионят за нами, не мутят, не разлагают наш народ. Конечно, и наш народ с некоторых времён разделился, особенно в городах. Молодые уже не соблюдают традиций, плюют на заветы предков, да и на богов, и вообще на всё. Для них развлечения превыше всего, а потому и знания не нужны – всё это подрывная деятельность атлантов. Конечно я не хочу утверждать, что вся наша молодёжь испорчена, много и таких, для которых знания превыше развлечений...

- А сколько вас, дядя Илья?

- Четыре миллиона, парень, - это немало! А невропейцев с атлантами – пять, но есть ещё лемурийцы, которых насчитывается около пяти миллионов человек, и со счетов их не сбросишь, хотя западники оплели их долгами.

- А-а! – беспечно махнул рукой Лось. – Мне это знакомо, у нас тоже грызня, тот же Запад старается всячески унижить наш народ и подорвать экономику России, государства моего. Ты лучше скажи, сколько людей в этом доме живёт, твоих сородичей? Дом-то огромный, по виду крепкий, но нужно же обеспечение: свет, вода, канализация?

- Немного, всего-то полсотни человек! – охотно пояснил хозяин. - Этот дом построил ещё мой дед три века назад. А крепкий не потому, что брёвна пропитаны особым составом, не дающим развиваться грибку, а потому, что в нём живёт душа нашего старинного рода. А что касается обеспечения, так вода из родников, а отвод отходов проведён вниз, в долину, освещение от общего силового поля, но есть и автономное. Ладно, вечером придут мои сыновья с работы, прилетит из города дочь, познакомишься со всеми, а пока отдохни вон в боковой комнате, она у нас специально для гостей.

В указанной комнате с зашторенным окном было сумрачно и прохладно. Алексей прилёг на широкий топчан и тут же провалился в глубокий сон. Сколько проспал, неизвестно, но, проснувшись, услышал приглушённые голоса двух людей: один явно принадлежал хозяину, а другой был женским. В разговоре промелькнуло его имя, и Алексей невольно прислушался.

- Я просканировала его, отец, - слышался мелодичный женский голос. – В его памяти совершенно отсутствует информация о нашем мире, ни в общем, ни в деталях. Я коротко ознакомилась с его миром. Психика у них почти такая же, как у нас, но техника у них примитивная, хотя механической, электрической и ядерной энергией в примитивном смысле они вла-

деют. Электромагнитная энергия их не интересует, а ведь именно в ней таится мощь любой цивилизации.

- Это уже хорошо, Леда! – говорил хозяин. – Но у него какое-то связанное устройство, а главное неизвестное нам приспособление, похожее на оружие – это вызывает подозрение. Мы ведь о некоторых военно-технических разработках атлантов мало что знаем, также как и они о наших. Может он с отдалённых островов Лемурии и куплен атлантами, а память и стереть можно. При современной технике это нетрудно.

- Подсознание не сотрёшь, отец, - это исключено! В памяти твоего гостя запечатлён только его мир, я это сразу поняла. Мнительный ты стал последнее время, отец! Всюду тебе мерещатся шпионы! Да откуда им взяться в такой глуши и отдалённости, тем более, что вся эта территория условно находится в режиме особой секретности, хотя ни в одном документе это не зафиксировано.

- Да лучше бы этого режима, дочка, и не было, потому как эта секретность и может привлечь спецслужбы атлантов! – слышался недовольный голос хозяина.

- Но об этой секретности никто даже и не догадывается, отец, да и нет этой территории в навигационных картах, она в них обозначена только лесами и горами с речками. Это не экономический район. Ты лучше скажи, чем ты кормил нашего пришельца?

- Хлебом, да нашим фруктом!

- Надо было подождать меня! Ему срочно нужны прививки от наших бактерий и вирусов; его иммунная система не приспособлена к нашему микромиру, если опоздать, заболит обязательно. Полагаю, что он уже обсеменён, надо им заняться безотлагательно.

- Надо всё же узнать, дочка, из какого он времени. Если он из третьей цивилизации, так от неё мало что осталось: так, кой-какие развалины, да несколько манускриптов. Шутка ли около двадцати тысяч лет прошло. Он ведь считает нас своими потомками! Ну, а если он из будущего, то я буду только рад, значит, человечество уцелеет – это вселяет в душу уверенность, спокойствие за судьбу внуков и правнуков...

- Надо взять его кровь на комплексное биохимическое исследование, а также сделать анализ по содержанию ртути, отец!

- Хорошо, дочка! Я пойду, разбужу его, познакомишься и делай всё, что считаешь нужным.

По сравнению с отцом девушка показалась Алексею невысокой, почти на голову ниже хозяина, но и Лось был не выше её. Одета по погоде: короткие лёгкие бриджи голубого цвета, такой же топ прикрывал грудь, загорелые стройные ноги обуты в сандалии на каблучке в три пальца, а короткие светлые волосы на аккуратной головке прикрывала жёлтая панамка. Внимание журналиста привлекло странное ожерелье из камней бериллиевой группы. Оно плотно охватывало шею девушки и каждый камень, поочерёдно, медленно пульсировал красноватым цветом, словно артерия с живой кровью.

Девушка цепким взглядом окинула спортивную фигуру Алексея. В синих глазах промелькнуло оценивающее любопытство, будто перед ней стоял не житель Земли, а какой-нибудь инопланетянин.

- Я, Леда Туча! – произнесла девушка, протягивая для рукопожатия свою ладошку, и этот дружелюбный жест напомнил журналисту прежнюю жизнь.

- А я Алексей Лось, здешний житель! – с улыбкой ответил гость и поцеловал руку девушки, что привело её, от неожиданности, в некоторое замешательство. – Я рад, что мои потомки не измельчали, как прогнозировали наши учёные, а наоборот стали такими высокими, стройными и красивыми.

Комплимент относился к девушке, поцелуй руки, видимо, был ей совершенно незнаком, но приятен. Илья, увидев эту сцену, усмехнулся и вышел по своим делам. Девушка с очаро-

вательной улыбкой пригласила Лося следовать за собой на второй этаж дома. Войдя вслед за Ледой в одну из комнат, Алексей, по обилию разнообразных приборов, понял, что здесь научная или медицинская лаборатория.

- Тебе, юноша, надо срочно сделать прививки, а то ведь и заболеть недолго! – деловито заявила Леда. – Пожалуй, у тебя уже инкубационный период какой-либо инфекции.

- Я понимаю! – откликнулся Лось. – За многие века, что разделяют нас, бактерии и вирусы видоизменились, и мой организм не имеет должного иммунитета.

Девушка приложила какой-то прибор к плечу Алексея, послышалось жужжание и терпимое покалывание.

- Ну, вот все необходимые прививки от наших болезней сделаны! – мило улыбнулась Леда. – Можно не беспокоиться! А теперь возьмём кровь на анализ, и будем знать точно, из какого ты времени.

Взяв, как обычно каплю крови из безымянного пальца и поместив её в один из приборов, Леда на несколько секунд приложила палец Алексея к кристаллу пульта. Над прибором появилось чёрное, горизонтально-овальное кольцо, толщиной в палец и размером около метра. Пустое пространство внутри кольца, вдруг, ярко засветилось. Через несколько секунд в центре кольца вспыхнули ряды красных цифр. Со смешанным чувством страха и крайнего удивления Леда взглянула на Алексея, но уже через мгновение в её расширившихся глазах светилось восхищение.

- Ну, что дал анализ? – полюбопытствовал Лось. – Надеюсь, не заражу чем-нибудь такую милую красавицу, как ты, Леда?

- Парни, пожалуй, и за тысячелетия не изменятся, – тихо пробормотала Леда, и, отступив на шаг, склонилась перед Лосем в глубоком поклоне.

- Что случилось, Леда? – насторожился Лось.

Девушка выпрямилась, и как-то сакрально, изменившимся голосом, в котором явно сквозило волнение, произнесла:

- Это не ты всем нам пращур, а я твоя далёкая пра...прабабушка, юноша! Да и все мы, живущие на Земле в этом времени, твои далёкие предки.

- Как это? – не сразу понял Алексей.

- А вот так! – девушка выпрямилась. – Ты впереди нас всех, там..., далеко! Восемнадцать тысяч лет разделяют нас! Ты попал к своим далёким прародителям, парень, опустился в глубины веков! Мало того, по всем показателям, ты ещё и принадлежишь к нашему роду; мою уверенность подтверждает твоё подсознание. Вот отец-то мой рад будет, все его подозрения сразу испарятся.

Алексей изображать из себя удивлённого не стал. Внутренне он был готов к такому аналитическому выводу, и ему уже было всё равно, куда его забросила древняя машина времени. Ну что ж! Пусть будет далёкое прошлое. О том, что прошлые цивилизации обладали высочайшими технологиями, ему тоже было известно. Об этом достаточно красноречиво заявляли различные артефакты, обнаруженные археологами. А теперь, в создавшейся мизансцене, он, как-то непроизвольно и просто, встал на одно колено перед прекрасной прабабкой, коротко поклонился и заговорил без каких-либо пафосных интонаций:

- Нет, Леда! Это я должен поклониться вам, моим предкам, коли уж вы старшие. Это та же планета, но это другая Земля, совершенно непохожая на мою, прежнюю. А вот люди, пожалуй, во всяком случае, мне так показалось, мало, чем отличаются, в смысле психики, от нас, живущих в другом времени. По каким признакам? Объясняю! Отец твой опасается каких-то шпионов, какая-то подозрительность наблюдается, государства, информационные войны, геополитическая грызня, элиты, стремящиеся к мировому господству – вот это нас уже как-то роднит. Отец твой мне кое-что поведал. Хорошо хоть язык наш славянский, по моему мнению, как-то сохранился, непонятны только научные и технические термины, отдельные слова

и понятия... Вообще-то мои современники давно уже старославянский язык не используют, забыли его. Наш язык сильно изменился, да это и закономерно – всё меняется в мире со временем.

Девушка улыбнулась, и, слегка прикоснувшись ладошкой к плечу Алексея, произнесла:

- Понимаю! Я ведь сразу, благодаря генератору, узнала, что ты не из нашего времени, только в сумбуре своих мыслей ты не мог определиться, а потому посчитал, что попал в будущее, да и то не понял, в какое. Полагаю, что, случайно, ты активизировал энергию нашего родового камня памяти. Правда, для этого нужно, чтобы несколько составляющих слились в одну константу, а, определяющей движение, функцией явилось твоё подсознательное желание побывать в прошлом и увидеть самому древние цивилизации – вот твоё желание и исполнилось. Только учти, юноша, обратного хода для тебя уже не будет, потому что составляющие константу, фазовые значения их, не были зафиксированы памятной машиной, ну, хотя бы вот этим...

Леда протянула указательный палец в сторону слабо пульсирующего ожерелья, облегающего её точёную шею. Алексей встал с колена, в глазах его, устремлённых на девушку, промелькнуло отчаянье.

- Придётся тебе привыкать к нашему миру! – успокаивающе сказала Леда. – По воле богов так сложилась твоя судьба! Не отчаивайся! Человек ко всему привыкает, его сознание многомерно. Иди за мной!

Девушка вывела журналиста из дома через другой выход. В этой, тыловой части двора, хотя никакой огорожи не было, на лужайке, Алексей увидел круглую ровную площадку диаметром около десяти метров, выложенную брусчаткой из красного гранита. Почти в центре площадки, на низкой, в полметра, треноге стоял белый диск овальной формы из непонятного материала, напоминающего кварцит, размером три на два метра, толщиной в две ладони. Диск был накрыт серебристой, совершенно непрозрачной полусферой.

- Что это за машина? – спросил Алексей.

- Это наш легковой дисколёт! – ответила Леда. – Мы называем такие дисколёты пчёлами.

- А что есть другие?

- Да, грузовые и пассажирские! Мы зовём их шмелями! Их грузоподъёмность до трёхсот тонн! А есть военные – то шершни! Все они летают по силовым линиям, потолок до пяти километров, у военных до десяти и выше. Для полёта дисколётов всех типов мы используем магнитное и гравитационное поля планеты, но есть и виманы, которые передвигаются по ракетному принципу, на специальном ракетном топливе, и они только для военных, хотя есть и гражданские, для научных целей.

Алексей промолчал, переваривая и эту информацию. За лужайкой росли какие-то низкорослые деревья, скорее фруктовые, потому что среди листвы виднелись зелёные продолговатые плоды, похожие на знакомые ему кабачки только красного цвета. От лужайки, в глубину сада вела дорожка, выложенная такой же красноватой брусчаткой, и сквозь листву виднелась ажурная белая ротонда, накрытая полупрозрачной, конусовидной крышей из какого-то голубого материала.

Пройдя мимо неё, девушка вышла на неровную, скальную площадку, которая возвышалась над купами деревьев внизу. Вся эта масса зелени казалась волнами морского залива, который, плавно понижаясь, уходил на запад, к горизонту, где в фиолетовом, вечернем мареве повис малиновый диск солнца.

Справа синели горные складки, уплывавшие на север, слева же, заросший елями, тёмной стеной нависал могучий горный кряж, состоящий сплошь из древних базальтовых пород и железистых сланцев. Неровный гребень его тянулся с запада на восток на многие километры, словно зазубренная спина заснувшего на века динозавра.

- Леса здесь много! – заметил Алексей. – Пожалуй, из-за этого воздух перенасыщен кислородом, он похож на горную родниковую воду – так и пил бы его до бесконечности, и, всё-таки этот воздух кажется мне чужим, в нём чувствуются какие-то газовые примеси.

- Не удивляйся, Лёша! Содержание кислорода в атмосфере – двадцать три процента.

- Но это же очень опасно! – встревожился Лось. – Малейшая искра, молния, наконец, и всё вокруг может вспыхнуть огромным пожаром.

- Не вспыхнет из-за большой влажности и содержания углекислого газа! – успокоила Леда. – Смотри лучше сюда! – девушка вскинула левую руку. – Эта древняя гора таит в своих недрах несметные богатства. Там, на глубине от трёхсот до трёх тысяч метров, целая сеть штолен – это десятки километров. Любой, кто проникнет туда, едва ли выберется обратно, заблудится. Эта гора кормит наш род уже на протяжении пяти веков.

- Да-а-а! Такие глубины и лабиринты, а как же с метаном? Газовая опасность велика!

- Там большие полости, гроты и подземные озёра с чистой водой, в которых водится рыба и креветки. Не беспокойся, у нас там малый термоядерный реактор с замкнутым циклом охлаждения; он очищает воздух и гонит выделения метана в вентиляционные шахты, даёт свет и энергию для работы горного оборудования, ну, и для лабораторных опытов.

- Да это же целое производство!

- Конечно! Наш род потому и богат! По договору, мы платим налоговикам в год сорок тонн зерна, десять килограммов кварцита и килограмм золота. Всё, что сверх этого добудем, идёт в доход рода.

- Но я почему-то не вижу каких-либо подсобных помещений? – заметил Лось. – Ну, например, зернохранилища?

- Отец всё хранит в горе, да и подвал у нас большой! Он в скальном грунте, под домом! – улыбнулась Леда.

Посуровев, она сообщила журналисту следующее:

- Я ведь почему тебе рассказываю про гору, про наши доходы? Человек ты из другого времени-- это всё равно, что с другой планеты. Выболтать по-наивности эту информацию ты не сможешь, потому что я заблокировала её через тот ЧИП, который поставила тебе, когда делала прививки. Он маленький, ты даже его не прощупаешь под кожей. Уж прости, но таково требование безопасности. Никто не должен знать о местоположении нашего участка и чем тут занимаются мои родственники. Зато не потеряешься, я всегда буду точно знать точно, где ты находишься.

Лось, было, смутился, но тут же решил успокоить девушку:

- Да я вовсе не против, Леда, тем более, что так нужно!

- Я ведь по первому своему образованию историк, Алексей! – продолжила Леда. – Это уже потом занималась биологией, химией и медициной. Лечебное дело у нас поставлено несколько иначе: в основе терапии, субстанции различных грибов, а хирургия осуществляется с помощью робототехники и лазеров. При сканировании твоей памяти, я только мельком ознакомилась с техническим состоянием вашей цивилизации. Честно говоря, оно меня удручает: ядерные технологии толком не разработаны, зато оружия много; летательные аппараты примитивны, но ракетная техника неплохая, хотя и хуже нашей. А потом какой-то допотопный наземный транспорт, для которого нужны дорогостоящие путепроводы, дороги, все эти двигатели внутреннего сгорания. Вы на них заиклились и вместо того, чтобы разрабатывать принципиально иные виды двигателей, иные, более лучшие и экономичные способы передвижения, зря только тратите средства, напрасно напрягаете свою экономику. Надо ещё покопаться в твоих знаниях, но так как ты не технарь, то ничего нового для нас в твоей памяти нет.

- Ну да, я ведь журналист! – Лось как-то извиняюще махнул рукой. – Моё дело – новости для людей! А вот история мне любопытна!

- Если коротко! – Леда взглянула на пылающее вечерней зарёй небо, медленно перевела взгляд на Алексея. – На заре человечества, -- тихо заговорила она, -- в эпоху ещё первой цивилизации, боги создали для людей тепличные условия. Они окружили планету водно-паровой оболочкой, которая защищала от беспощадных ударов космоса. Температура была всегда ровная, без резких перепадов, климат мягкий, растительной пищи вдоволь – это был рай для первых людей. Но Богам нужны не лабораторные мыши, а люди-киборги, умеющие думать, самостоятельно принимать решения, созидать.

- Ну, мы тоже такую гипотезу выдвинули! – вклинился Лось. – Извини, Леда!

- Боги постепенно усложняли условия жизни, - продолжила девушка, - и всё меньше помогали преодолевать трудности. Люди же, в своём неуёмном желании всё преобразовать, в том числе и своё общество, неоднократно подвели планету к гибели. Земля же, являясь супергигантским организмом, умывалась, смывая при этом людей-паразитов – так мы объясняем всемирные потопа, природные катаклизмы, что и влечёт за собой периодическую смену цивилизаций.

- Откуда ты это можешь знать? – любопытствовал Лось.

- Из древних манускриптов, которые чудом уцелели, вернее, Боги, скорее всего, специально сохранили некоторые из них для нас. Надеюсь, ты понимаешь цикличность развития человечества. Было несколько цивилизаций – ваша пятая, а я думаю, их было больше. Каждая новая цивилизация похожа на большую птицу, которая долго разбегается, взлетает ввысь, и... падает. Человечество долго набирается сил и... совершает неверный шаг, что приводит к закономерному «концу света»; оно, это человечество, никак не может перейти в иную плоскость мышления и развития. Наши учёные считают, что должно состояться десять цивилизационных скачков.

- Ты хочешь сказать, Леда, что моя цивилизация обречена?

- Так же, как рухнет и наша! Вашей цивилизации пришлось всё начинать с нуля. Наши далёкие правнуки, то-есть вы, не догадались даже восстановить силовые линии, энергию вибрации планеты, другие виды энергии, кроме атомной, кстати, довольно вредной в неумелых руках. Зачем вам малопроизводительный двигатель внутреннего сгорания, когда имеются другие энергии, помогающие с лёгкостью передвигаться на любые расстояния. Вы даже не догадались восстановить гравитационный компенсатор, другие технологии, и ползаете по поверхности планеты как тараканы. Далеко вам ещё до наших технологий...

Пожалуй, для Алексея вся эта информация не была какой-то уж сногшибательной новостью. Подобные теории о цикличности развития человечества, о всемирных потопах, о сокрушительных катаклизмах и пресловутых «концах света», ходят и в его время. И многобожие – не новость, и Гиперборея с Атлантидой тоже не новость, а вот то, что его родная пятая цивилизация является примитивной, отсталой в научно-техническом отношении от этой, четвёртой, неприятно кольнуло журналиста.

- Хочешь посмотреть на свои родные места с высоты? – спросила, вдруг, девушка. – Скорей всего, ведь не видел? Пошли!

Леда, подойдя к дисколёту, прикоснулась ладошкой к квадратному жёлтому пятну, которое виднелось на бортовой части диска. Полусфера раскрылась, и Алексей увидел четыре сидения, как в обычном автомобиле, а на выступающей из пола панели располагался экран и несколько кнопок вокруг него. Усевшись в удобное кресло, Леда указала рукой на сидение рядом, со словами:

- Ну, что же ты! Смелей, земляк из будущего!

Лось осторожно сел, сфера тут же захлопнулась и стала совершенно прозрачной. Дисплей засветился, Алексей увидел на экране цветную карту. Леда ткнула пальцем на маленькую красную точку в центре карты, а потом кнопку рядом с дисплеем. Машина резко, и совершенно

бесшумно, пошла вертикально вверх; на карте побежали цифры высотного метража. Прикосновением пальца к экрану Леда остановила подъём аппарата на цифре две тысячи.

- Почему нас не разорвало от перепада давления? – взволнованно спросил Лось, стараясь незаметно ощупать себя. – Почему я даже не почувствовал перегрузок?

- А вон под ногами у тебя компенсатор! – девушка, глядя на Лося, мило улыбалась.

И впрямь, Алексей заметил слабое пульсирующее пятно в глубине диска.

- Ты лучше смотри на свои горы, Лёша, коли, упомянул, что здешний житель! Видишь, высота два километра! – посоветовала девушка. – Коли, уж ты не технарь, то и не пытайся понять механизм работы нашей пчелы.

Алексей с любопытством ребёнка начал разглядывать раскинувшийся внизу ландшафт. Освещённый заходящим солнцем лес на горных складках окрасился в оранжево-зелёный цвет, а, уходя дальше, к горизонту, становился нежно-фиолетовым. Никаких построек, кроме усадьбы Ильи Тучи, никаких признаков другой человеческой деятельности – всё вокруг виделось в первозданной дикости, и полная тишина. Небо, освободившееся от дневной облачности, было зелёным, только вокруг вечернего солнца ширилась малиновая полоса, похожая на лёгкую газовую занавеску. И всё-таки в этой панораме, раскинувшейся внизу, были и знакомые Алексею черты: к северо-востоку хорошо просматривался Откликной гребень, только вот двуглавая сопка не имела чётко выраженных вершин, да и была, пожалуй, выше. Но вот речка Ай, а родного города возле неё нет, ничего нет, только могучий лес подступает к берегам.

- Знай, Лёша! – прервала его раздумья и созерцательность Леда. – Не наши высокие технологии должны тебя волновать, не странный уклад жизни общества, не какие-то там родовые традиции, у каждого рода они свои, особенные, да и то только в глуши подобной нашей.

- А что ж тогда? – насторожился Лось.

- Понимаешь! – Леда слегка споткнулась. – Тебе нужно как можно быстрее адаптироваться к нашему обществу. Тебя не должны удивлять и пугать вещи, события, случайности, которые происходят в нашем мире часто, и даже повседневно, и, которые мы пока не можем научно объяснить, но сжились с ними... Слишком много составляющих, к разбору этого клубка противоречий я ещё только подбираюсь. Тебе ещё предстоит окунуться в самую гущу жизни нашего общества – вот и настройся на это. Всё, пошли вниз, на посадку, братья уже вернулись с работы...

Глава 5. Традиции, обычаи

В нижнем зале, за огромным столом, собралось почти всё большое семейство Ильи Тучи. Леда подвела Лося к отцу. Все: братья, невестки, дети уставились на девушку и незнакомого им парня, ожидая какого-то, очевидно важного, сообщения, и оно не замедлило:

- Вот, братья! – девушка повела рукой в сторону незнакомца. – Это наш родственник!

Родня, не исключая отца, встала и согнулась в поклоне.

- Имя ему, – продолжила Леда, – Алексей Лось! Он родился в этих краях. Там, внизу, в долине реки, его родной город, который он называет красивым именем Златоуст, и там его дом.

- Но там нет никакого города! – удивлённо выдохнул один из братьев.

Под суровым взглядом отца он пробормотал:

- Прости, отец!

Леда внесла разъяснение:

- Я провела биохимический анализ его крови и тщательно проверила подсознание. Его психогенный синдром присущ только нашему роду. Он наш прямой потомок и родится через восемнадцать тысяч лет после нас, а коли попал сюда по воле богов, так уже, как видите, родился там, в далёком будущем. Боги дали нам великое счастье увидеть продолжение нашего славного рода, и Оракул, у которого я была в прошлом году, ошибся, предрекая конец человечеству, хотя, я так понимаю, он имел в виду, скорей всего, конец нашей цивилизации. Но будет пятая цивилизация, и там есть продолжение нашего рода. Возблагодарите богов, и, прежде всего Сварога, нашего покровителя за то, что род наш не угас...

Какое-то время, которое, казалось, застыло навечно, люди изумлённо смотрели на Алексея, а потом, как по команде дружно согнулись в глубоком поклоне во второй раз. Глава рода Илья благожелательно погладил по плечу новоиспечённого родственника. Всякие подозрения и страхи его мгновенно улетучились, покой пришёл в душу.

С каким-то странным ощущением Алексей смотрел на своих, таких далёких прародителей, на эту доисторическую родню, и они казались ему ископаемыми тенями прошлого, но в то же время это были люди материально осязаемые, образованные, владеющие высочайшими технологиями, в которые он, журналист, не мог поверить, не мог вот так просто предвидеть, и даже представить. Вернее он представлял, но как-то совсем не так. А тут и сами люди такие красивые, высокие, стройные, сильные физически, и, наверное, духовно. Дети разного возраста, сидевшие тут же, за большим столом, удивлённо смотрели на Алексея, не понимая ещё, как это может явиться так запросто человек из будущих времён, но ведь вот же он, перед ними...

Вечерние сумерки в зале мгновенно разогнал вспыхнувший, вдруг, яркий свет, который разлился из потолочных ниш по периметру помещения. Глава рода, не говоря ни слова, встал и пошёл из дома, за ним двинулись остальные. Леда задержала, дёрнувшегося было Алексея.

- Тебе не надо пока туда! Ты должен отдохнуть, Лёша!

- Но я не устал! – возразил он, но, вдруг, почувствовал сильнейшую усталость, и сонное состояние овладело им. Леда отвела полусонного Лося в уже знакомую ему гостевую комнату...

Алексей проснулся с ощущением хорошо выспавшегося человека, хотя утро ещё не наступило, за окном темнота. Откуда-то доносилась тихая, неторопливая музыка, состоявшая из волнообразных аккордов низкой частоты, ритмически переходящая временами на более высокие частоты. Гипнотическая мелодия, достигнув какой-то невидимой черты, падала, словно струи водопада вниз, на камни, подняв тучу стеклянно-прозрачных звуков-капель. Невидимый музыкант-виртуоз своей волевой рукой тут же собирал эти капли в новые, волнующие сознание, аккорды. Чем-то эта неземная, фантастическая музыка напоминала Алексею органную.

С лёгкостью поднявшись, он заметил, что спал в той же тунике, и она не помялась. Лось сунул ноги в сандалии, которые кто-то поставил возле его ложа и вышел из комнаты. В общем зале было сумеречно, но из широкого окна уже вкрадчиво проникал тёмно-синий свет зарождающегося утра. Дверной проём был тоже тёмным, только периметр его слегка светился.

Лось привычно протянул руку, она беспрепятственно прошла сквозь воображаемую дверь. Он вышел из дома, вокруг было ещё темно, и тут Алексей увидел сказочную картину. Пронеслась мысль: уж не сон ли? Алексей пощупал лицо рукой, стукнул себя по лбу, похлопал веками. Да нет, вроде не спит...

Журналист увидел нечто фантастическое. Тёмно-синее небо с ещё колючими ночными звёздами над головой, но уже заметна светло-зелёная полоса на востоке, которая незаметно ширилась, медленно и неуклонно прогоняя ночь. На чёрной, маслянистой глади озера, горело неярким красновато-синим пламенем шесть небольших костров на невидимых плотиках, и, казалось, что трепещущими, светло-фиолетовыми косынками полыхает сама вода. На серой прибрежной полосе, под тихую, ритмичную музыку низких аккордов, которая будто спускалась с тёмных крон деревьев, обступавших берега, в каком-то фантастическом танце медленно, плавно кружились шесть девушек в белых полупрозрачных хитонах, облежавших стройные фигуры. В предутренней тишине, когда не шевелился ни один лист на дереве, непонятно было, где источник звука. Казалось, что эта всепроникающая мелодия проистекает сверху, со звёздного неба, или с глади озера – она была всюду и наплывала волнами.

Алексей стоял заворожённый этой музыкой и гипнотическим танцем девушек. То, что это ритуальный танец, он понял не сразу, но вспомнил, что наступил десятый день недели по местному календарю, и он посвящается богам. В мозгу журналиста всплыла мысль: «Похоже на классику, на танец лебедей из одноимённого балета Чайковского, -- подумал он, -- а может, подобное чудо сохранилось в генной памяти, в подсознании моих современников, может, вот это древнее действо, и осуществилось у потомков, у моих современников, через балет Петра Ильича».

Очарованный, Алексей стоял, скрестив руки на груди, и не мог оторвать взора от гипнотического танца девушек, а между тем утро как-то быстро набирало силу, и вот уже полнеба над озером заалело, а на спящую поверхность воды легли нежно-розовые валёры зари. Вот и завораживающая музыка тихо ушла куда-то в леса, в горы, в небо, растворилась в воде горного озера. Танцовщицы прекратили свой замысловатый танец и растаяли в наполозавших из леса, словно белесые змеи, лентах утреннего тумана. Пять девушек исчезли, кроме одной, та же в своём лёгком хитоне плавно подошла, или подплыла, к Алексею. Он узнал в ней Леду, и от неожиданности вздрогнул. Девушка взяла парня за руку со словами:

- Пошли в дом, Лёша! Все уже за столом, ждут нас и тебя.

Алексей, кое-как стряхнув очарование сказочного утра, вслед за Ледой вошёл в дом, где всё за тем же длинным столом и впрямь сидело всё многочисленное семейство Ильи Тучи. Повидимому, люди вошли сюда через тыльный вход, а где они все были тоже понятно: наверняка молились где-то, коли, уж день этот, десятый, посвящён богам.

Хозяин опять усадил Алексея рядом с собой. По другую сторону от него уже сидел незнакомец средних лет с выбритым подбородком, но роскошными усами. Шею мужчины плотно облегал такое же ожерелье, что и на Леде.

Середину стола занимал ряд плоских корзин с хлебом, странными фруктами и кусками варёного мяса; возле каждого домочадца стоял кубок из непонятного материала, и лежала двурогая вилка. Вероятно всё это, подумал Алексей, опять же носило ритуальный характер. В подтверждение этого хозяин взял кубок, поднялся, все встали, Алексей тоже. Илья, ни слова не говоря, выпил до дна. Вслед за всеми, Алексей, подчиняясь общему ритуалу, тоже выпил, но эта тёмно-красная жидкость оказалась не вином, а скорей, по вкусу и аромату, походило на жидкий мёд, без каких-либо признаков алкоголя, но, пожалуй, во многом превосходило его.

Никакого опьянения Алексей не почувствовал, разве что появилась необычайная лёгкость в теле, да приятное мироощущение происходящего в голове.

Также молча люди принялись за еду. Мясо, которое Алексей попробовал, напоминало куриное, но со значительными особенностями. Леда, сидевшая рядом, подождала пока Алексей поест, затем, прикоснувшись к его плечу, глазами пригласила следовать за ней. Лось встал и пошёл за девушкой; никто за столом не обратил на это внимания, или сделал вид, что не заметил. Очевидно, Леду в каком-то смысле побаивались, или уважали наравне с отцом.

Вслед за девушкой Лось вышел на вчерашнюю лужайку, где стоял дисколёт. Прекрасное утро полностью вступило в свои права: чистое, голубое небо, прозрачно-стеклянный, без единой пылинки, горный воздух; где-то в глубине леса, нарушая тишину и безветрие, звонко, как и в его время, тренькали мелкие птицы, а зелёновато-медные кроны садовых деревьев пронизывали оранжевые лучи поднявшегося над горизонтом солнышка.

Но не великолепное утро привлекло внимание Алексея, а ещё один дисколёт, стоявший рядом с первым. Был он больше размером, платформа его поблескивала металлом и в передней части её темнели два отверстия. Лось любопытствовал:

- Этот-то откуда?

- Да это нашего зятя, Оскара! – ответила Леда. – Он прилетел ночью! Иди за мной и не задавай вопросов! Я всё тебе расскажу сама, вопросы твои я уловлю раньше, чем ты их произнесёшь.

Пройдя через сад, по мостику через ручей, Леда с Алексеем подошли к скале, за которой взору журналиста открылся вход в пещеру. Над ней нависал гигантский, десятиметровый козырёк из базальта, древней горной породы. Леда, указав рукой в сторону входа, пояснила:

- Наши предки жили здесь какое-то время, пока устраивали долину, а сейчас тут храм нашему прародителю, ну а дальше, в глубине горы, рабочее место моих братьев, цехи, лаборатории...

Девушка вошла в проход пещеры, который перегородила стальная плита без каких-либо признаков замочной скважины. В связи с этим Алексей заметил:

- А ведь я начал уже привыкать, что дверей в вашем мире нет!

- Здесь дверь когда-то была нужна! Её установил ещё дед моего отца, скорее от зверья, чем от людей.

С этими словами Леда приложила ладонку в середину плиты, и дверь медленно, но совершенно бесшумно отворилась внутрь. Девушка вошла в темноту, и, по-видимому, включила освещение. Вошедший за ней Лось увидел уже привычные ему электрические фонари, редкой гирляндой протянувшиеся вдоль прохода, уводящего куда-то вглубь горы. Метров через двести проход вывел в гигантский подземный зал, освещённый по периметру неровных стен всё теми же фонарями. Внушительный зал заканчивался стеной явно кем-то обработанной, а возле неё на полуметровом подиуме стояла трёхметровая статуя из неизвестного материала красноватого цвета. Статуя представляла собой человека в биологическом скафандре, на голове его был... шлем космонавта... Руки его, ладонями вверх, были слегка вытянуты вперёд, как бы приглашая куда-то, или предлагая помощь.

Алексея статуя совсем не удивила, он видел подобные и в своём мире. Лось подошёл ближе и поймал себя на мысли, что если протянуть свои руки вверх, то можно спокойно дотянуться до рук изваяния, и даже погладить эти, может быть неземные, руки. Ближе подойти мешало препятствие из-за натянутого поперёк каната, хотя можно было перешагнуть эту преграду. Лось, было, вознамерился сделать это, но тревожный возглас девушки остановил Алексея:

- Стой! Ни шагу вперёд! Это очень опасно! Отойди хотя бы на шаг!

- Да что может случиться-то? – недоумевал журналист, но всё-таки подчинился, проворчав: - Подумаешь! Статуя как статуя!

- Ой, кошмар! – с облегчением выдохнула Леда. – Не понимаешь ты! – девушка кинулась в откровение, которого, может быть, и не хотела бы. – Я сама была недавней свидетельницей, – Леда поперхнулась от волнения и нахлынувших воспоминаний, но через короткую паузу договорила, – одного происшествия, когда исчезла моя мать. Тогда ещё не было этого каната, его позже установил отец. А в тот день, я, отец и братья стали свидетелями страшного для нас события. Мать моя, ни с того, ни с сего, вдруг, подошла вплотную к Богу, да и дотронулась до его рук. И что ты думаешь? На наших глазах она растворилась в воздухе. В одно мгновение. И мы до сей поры не можем понять, куда она подевалась.

- Ерунда какая-то! – легкомысленно заметил Лось, но на всякий случай отступил от статуи ещё на шаг.

- Это не ерунда, Лёша! – уже более спокойным голосом ответила Леда. – Это вовсе не ерунда! Ваша цивилизация живёт в поле военно-технической культуры, и вы дети её! А мы пребываем в поле культуры волновой энергетики, живём по физическим законам беспощадного космоса и по воле богов, хотя военно-политический психоз завладел последнее время умами атлантов...

- Да какой же это бог?! – удивился Лось. – Обычный космонавт в моём понимании. Пришелец со звёзд, так говорят в нашем времени. Просто изваяние человека путешествующего в космосе.

- Правильно, пришелец, Лёша, но могущественный! По-видимому, это передающее устройство, посредник, через него мы имеем связь с богами. Как он здесь оказался никто не знает. И он не один. Боги нас, людей, создали, и продолжают курировать наше общество, хотя нам не дано понять, как они это делают. Вот сейчас ты подвергаешься сильнейшему информационному воздействию. Теперь ты будешь понимать психофизическое состояние нашего мира, но и твоё прежнее мироощущение останется в глубинах сознания.

- А как же атланты? – недоумевал Лось. – Отец твой много чего порассказал. Якобы, эти атланты желают, чтобы весь ваш мир прогибался под них, чтобы все народы жили по их указке. Пожалуй, они ведут себя точно так же, как некоторые властные структуры в моём мире. Везде у них свой интерес. Сходство поведения просто поразительное.

- Удивляться здесь особо-то не стоит, Лёша, – рассудила Леда. – Атланты сами не заметили, как втянулись в поле военно-технической культуры, возомнили себя равными богам. Элите атлантов захотелось повелевать всем миром, диктовать другим народам свою волю от лица своих богов. Они забыли, что это уже когда-то было, и очень жаль, что история ни чему не учит, но вот только наказывает за неусвоенный урок.

- Тогда вы мало чем отличаетесь от нас! – заметил Алексей. – В психическом плане.

Леда ненадолго задумалась, и, взглянув на Лосю, заговорила как-то издали:

- Вселенная, Лёша, состоит из субстанции, девяносто пять процентов которой нельзя назвать материальной – это духовная субстанция. Астрономы называют её чёрной энергией, а в физике она имеет значение только как волна. Эта волна организована куда более сильно, чем физический мир, и эта волновая функция определяет всю структуру и строит весь физический мир. Имеются такие волны, материя которых равняется материи Вселенной: слово ли произнесённое, или событие – запечатлеваются в любой точке мира, и навсегда. Отсюда, Высшие силы видят мир мгновенно благодаря таким волновым функциям, и эта волновая функция правит всем миром, она же и создаёт живую материю. Это исчисляется с математической точностью: имеется длина, частота, фаза волны. С точки зрения современной квантовой механики душа и её волновая функция, её организованность, обладают вселенским значением. Атланты убедили себя в том, что именно они являются проводниками волновой функции, а потому желают строить общество на Земле по своему усмотрению...

- Но такие идеи, и, соответственно, поведение неуклонно приведёт к сопротивлению, к столкновению, к противостоянию, и, в конечном итоге, к самоуничтожению, - резюмировал Лось.

Леда пронзила Алексея внимательным взглядом и произнесла:

- Пошли отсюда, теперь ты будешь спать до следующего утра. Усвоить полученную информацию не так-то просто.

Лось заметил ещё одну дверь в углу стены, и не утерпел спросить:

- А это что, ещё проход куда-то?

- Да это проход к нашему производству! – пояснила девушка.

Когда Алексей с Ледой вышли из подземного грота, и дверь за ними тихо закрылась, девушка сообщила журналисту:

- Кстати, Лёша, той прививки, что я сделала тебе накануне, маловато, а вот сейчас наш Сварог, его копия, обеспечил тебя полной защитой от вирусов.

- Мне трудно в это поверить, Леда! – произнёс Лось, утирая со лба пот.

- Тебе ещё многому придётся удивляться! – загадочно обронила Леда.

- В моём мире люди ходят в церковь, молятся Христу и Богородице, а также другим святым великомученикам, и тем самым тоже в какой-то степени избавляются от разных заболеваний.

- Человечество в своём существовании и развитии, парень, - заговорила Леда, - опирается на классическую триаду: на душу, на интеллект и геном. Правда, не все этой триадой обладают: у одних нет души, у других - интеллекта, а без, хотя бы, одной составляющей, человеком быть невозможно.

Лось, пригладив мокрые волосы на голове, взглянул на высоко уже поднявшееся солнце, на зелёно-синеватые окрестности, плавающие в жарком мареве, и несколько ворчливо произнёс:

- Ну и жара же! Интересно, сколько времени?

Леда невозмутимо посоветовала:

- Ставь свои механические часы на одиннадцать часов пять минут местного времени!

- А как ты это определила? – возрился на неё Алексей.

- Ну, вот же! – девушка указала на своё ожерелье, чем опять смутила парня.

- А как же другие, у которых нет генератора?

- Они чувствуют время, а в лабораториях и на заводах обязательно присутствуют точные приборы, которые показывают его с точностью до тысячных долей секунды.

Лось завёл свои часы, поставил время, и, почесав мокрую бороду, выразил вполне закономерное желание:

- Эх, сбрить бы всю эту растительность!

- Пошли к Оскару, он тебе всё устроит! – улыбнулась Леда.

Глава 6. Ариенбург

Яркая точка, указывающая курс, медленно и неуклонно ползла по зеленоватой карте дисплея к северо-западу. Автопилот вёл легковой дисколёт на высоте пяти километров со скоростью трёх «звуков». Внизу простирались бескрайние леса тропического пояса, прерываемые только ниточками рек, блюдцами озёр, да редкой ватой облачков. Алексей, указав на дикость ландшафта под дисколётом, сообщил Леде:

- В моём-то времени здесь ведь множество сёл и городов: Кострома, Ярославль, Вологда, Великий Новгород, Архангельск, Санкт-Петербург, да множество других, всех и не перечислю.

- Я знаю, Лёша! – просто ответила девушка. – Населения в твоём времени очень много и едва ли это благо для планеты. В вашем обществе слишком много паразитов, которые ничего не создают, не умеют и не хотят что-либо сотворить полезное для людей. В нашем обществе такие наклонности поведения не приветствуются. Если такие люди у нас появляются, то они сами приходят в центры коррекции психики. Но есть и такие, что не приходят...

Лось, сидя в кресле рядом с Ледой, плохо воспринимал то, о чём она рассказывала. В полёте он не чувствовал даже малейших перегрузок, но ему не давала покоя одна мысль, которую он всё-таки решил высказать:

- Извини, Леда, вот летим мы с очень громадной скоростью, а, вдруг, на встречном курсе такая же пчела, разобьёмся же, и от нас даже пепла не сыщут, да и искать-то никто не будет в этом океане зелени внизу!

- Да ни о каком столкновении не может быть и речи, Лёша! – успокаивающе заявила Леда. – Все дисколёты снабжены компенсаторами, столкновения не допустят. Запомни, даже если откажет двигатель, что также едва ли возможно, пчела мягко опустится на любую маломальски подходящую полянку и, по своим координатам, специальный прибор тут же вызовет Службу спасения.

- А военный дисколёт может сбить пчелу? – допытывался Лось.

- Может, потому что у пчёл простенькое ручное управление, и они не могут резко и сложно маневрировать, уклоняться от мощного теплового луча.

- Какова сила этого оружия? – заинтересовался журналист.

- У луча три с половиной тысячи градусов! На расстоянии до двух километров он просто разрежет пчелу, или повредит двигатель! А вот против такого же дисколёта или спецброни виманов луч бессилён, потому что у ракеты корпус из композитного материала космической защиты.

Лось, человек военно-технического времени, эту информацию воспринял спокойно, даже равнодушно, а вот другое, как журналиста, его интересовало гораздо больше:

- А как вы детей обучаете, передаёте свои знания, ведь общеобразовательных школ, как я выяснил, у вас нет?

- Да, в общем-то, просто! – охотно разъяснила Леда. – До четырнадцати лет дети обучаются дома по спецпрограммам на своём личном компьютере, а потом, выбрав специальность, продолжают обучение в высших учебных заведениях, а если кто не желает учиться – устраивается на работу. Как видишь, всё как у вас! Попадают, конечно, и такие разгильдяи, что не желают ни учиться, ни работать, но таких мало.

- Понятно! Я всё хотел спросить, Леда, не знаю, удобно ли? – продолжал допытываться Алексей. – Вот этот генератор, что у тебя на шее, я понимаю, что он не для красоты. Ну, понимаешь, - замялся Лось, - у других-то нет, только у тебя, да у Оскара?

-- А-а! – рассмеялась Леда. – У меня генератор третьего класса мощности, у Оскара тоже. Они присваиваются только учёным и конструкторам за очень весомые достижения в науке и технике коллегией из пятидесяти человек, да и то не всем, а только тем, у кого надёжная,

устойчивая психика. Политикам, управленцам, бизнесменам и военным такой генератор не положен по Конституции.

- Тхе! – усомнился журналист. – Да они просто купят любую коллегию!

- Это невозможно! – посерьёзнела Леда. – Такая попытка немедленно пресекается любым носителем генератора, а нас самих контролирует Оракул, у него прибор высшего класса мощности, плюс усилители храма, где он постоянно пребывает.

- Но тогда вы все являетесь кастой неприкасаемых, сливками общества, о какой демократии можно говорить?

- Совершенно верно, каста и есть! Но люди, одержимые наукой, в политику и в управление государством не лезут, им это не нужно, этика их направлена только на добрые, в основном научные, дела. Кстати я везу тебя не только познакомиться с жизнью нашей столицы, Ариенбурга. Тобой заинтересовался наш Оракул, просил показать тебя ему. Ты не против? Всё-таки люди из будущего очень редкие гости в нашем мире.

- Я за! Очень даже интересно встретиться! А как хоть его зовут, имя у него есть?

- Никто не знает, Лёша! Оракул и всё! Для нас это неважно. Вообще-то он историк и лет ему где-то за двести, хотя глубоким стариком он вовсе не выглядит. Ты должен понять, Лёша, что тебя быстро бы вычислил кто-либо из наших, причём в первые же часы твоего пребывания в нашем мире. Я имею в виду носителей генераторов. Так что твоя психика не успела бы атрофироваться. Скажи лучше, как себя чувствуешь в этом, чужом для тебя мире? Я, конечно, знаю, но ты скажи своими словами.

Алексей помялся, немного поразмышлял.

- Да как сказать? Естественно, я привык к своему времени, к своему обществу, к своей культуре. Там у меня мама, сестра, друзья, любимая работа, но теперь мне кажется, что это всё в прошлом, что это как сон. У меня ведь нет своей семьи, нет любимой девушки, а потому крепкой связи с моим временем у меня вроде, бы и нет. Ваше время захватило и ошеломило меня. Я почти полностью во власти вашего времени. Вот только хотелось бы познакомиться с вашей культурой. Какая она, есть ли песни, люди ведь должны петь, пишутся ли книги, какие, хотелось бы знать в вашем обществе философские воззрения, идеология, творческие устремления, а танец, да ещё какой-то классический, я уже видел, желаю увидеть народные танцы. И вообще, какие они общечеловеческие ценности в вашем мире, на каком уровне ваша культура, а она, конечно, существует? Кое-какие выводы я уже сделал, культура вещь всеобъемлющая – это видно по жизни вашего рода. Научно-техническую культуру я уже ощущаю на себе.

- Ну что ж, правильно! – Леда как-то проницательно взглянула на Лосю, как-то просто и обворожительно улыбнулась. – И песни у нас поют и другие танцы, кроме того, что ты видел, у наших народов имеются во множестве, и музыка сочиняется, и исполняется, и книги пишутся, и философы имеются – всё узнаешь со временем. Наше общество имеет очень глубокие творческие корни. Ты скоро в этом убедишься. Но, как известно, любую культуру можно и потерять, и происходит это незаметно для людей. Три цивилизации, что были допрежь нас, исчезли почти бесследно, и нашим учёным пока неясно: сами они себя погубили или погибли в результате космических катаклизмов. Ладно, Лёша, через десять минут будем на месте!

Лось посмотрел на карту и удивился: Белого моря, как такового не было. Просто широкая сеть заливов, проток, болот и озёр, зато знакомые очертания Кольского полуострова хорошо просматривались. А вот дальше к северу, вместо Баренцева моря, был широкий пролив, за которым виделась какая-то новая береговая линия, а за ней горы, зелёные леса. Земля приближалась, и уже был виден огромный город, растянувшийся по берегу на десятки километров. Белые небоскрёбы, словно сталагмиты, выросшие из известковых наслоений, какие-то арки, голубые кубы и параллелепипеды гигантских зданий. Хорошо виднелись портовые сооружения, причалы, большие корабли и мелкие суда, только без привычных парусов. Дальше Алексей разглядел широкую белую ленту пляжа с пальмами, усеянную отдыхающими, похожими

на муравьёв, а над городом висел смог из мельтешащей мошкары – это беспрестанно садились и взлетали дисколёты разной формы и разного назначения.

И что очень важно, что в первую очередь поразило журналиста, – то что он увидел было совсем не похоже на привычное, холодное Заполярье, хотя должно было быть им, всё-таки семидесятая параллель. Солнце стояло почти в зените, обдавая этот странный север нестерпимым жаром знакомого Алексею юга.

- Прямо-таки Рио де Жанейро с пляжами Капакабаны! – воскликнул Лось.

- А ты что хотел увидеть здесь, судя по твоей памяти, льды и торосы Северного Ледовитого океана? – слышался слегка насмешливый голос Леды.

- В какой-то степени да! – растерянно промямлил Лось.

- Знай, Лёша, ось Земли наклонена к солнцу в тридцать пять градусов, так что льды, ночь и холод там, к югу, за экватором, здесь же, на севере, – вечное лето и практически нет ночи. Ну, разве что, только зимой, в период дождей, месяца на полтора-два.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.